

З.И. Тарунина

ПОКА НУЖНА ВСЕМ...

*(Дневниковые записи, встречи у моря,
зарисовки, раздумья)*

Посвящено 100-летию
со дня рождения
Учителя З.И. Таруниной

З.И. Тарунина

Пока нужна всем...

(Дневниковые записи, встречи у моря, зарисовки, раздумья)

(21.05.1913–6.06.1999)

Пермь 2012

З.И. Тарунина Пока нужна всем...

(Дневниковые записи, встречи у моря, зарисовки, раздумья)

Предисловие и эпилог написаны О.Л. Таруниной.

Дневниковые записи понравились молодому профессору ПГУ О.Г. Пенскому, привожу его краткий отзыв.

«Книга очень психологична, говорит о трагедии человека, переходящего в старость. И сам этот человек не понимает, что пока он кому-то нужен, он живет.»

Назвать книгу следует «Пока всем нужна...». Убрать сокращения имен и отчеств. В начале книги написать в маленьком предисловии краткую биографию Вашей мамы. Хотя она уже умерла, но те переживания, которые испытывает человек при входе в старость, будут испытывать все: из поколения в поколение. В этом философское значение книги.»

Май 2009. Олег Пенский

Основу книги составляет «Дневник З.И. Таруниной», который она писала в 1969 г., отдыхая у моря, в Крыму. Эти записки можно было бы подразделить на несколько смысловых разделов, скажем: «Море, море», «Нина и Люда», «Серафима Иосифовна», «Вечер поэзии Е. Евтушенко», «Посещение Алупкинського дворца» и т.д. – другие Крымские зарисовки и судьбы людей.

Затем – «Курортные страдания», «Возвращение домой», «О проблемах родителей и взрослых детей», «Марко Вовчик», «Раздумья об учителях», «Отдых насмарку», «Мысли о старости и собственной независимости» и, наконец, поездка в Александровск с лекцией – таково краткое содержание дневника.

Но сведение записей к каким либо рубрикам привело бы к искажениям, потере авторского стиля, стиля переживаний, страданий и раздумий, кратких, порой незавершенных, часто противоречивых... Что, как правило, и характеризует дневник для себя.

В представляемой книге и стиль, и последовательность описаний, и частая смена настроений, и отчаянные страдания, и даже своеобразная пунктуация – всё сохранено, по возможности, авторским – З.И. Таруниной. Я вставила лишь фотографии и рисунки, кратко описала последующие годы её жизни.

1.12.2011. О. Тарунина

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тарунина Зинаида Ивановна по профессии учитель русского языка и литературы, почти всю жизнь проработала в школе, в старших классах. Одно время, по состоянию здоровья, ей запретили работать в школе и она стала лектором, в Городском лекционном бюро. Много разработано ею тем о писателях, поэтах и молодежи, о любви и дружбе. Лекции ее всегда воспринимались с большим интересом, восторгом и благодарностью. Перед пенсией ей разрешили работать в школе рабочей молодежи. Выйдя на пенсию в 1968 г., она занялась рисованием, своеобразной графикой шариковой ручкой... Участвовала много раз в различных выставках самодеятельных художников, удостоена многих грамот.

З.И. Тарунина всю жизнь вела дневниковые записи. Исписано несколько десятков толстых общих тетрадей. Одну из таких тетрадей я «спасла», изъав ее из под кастрюлей на веранде, и решила переписать на пишущей машинке. Как будут восприниматься эти записи в печатном виде? Долго мудрствовала над ее своеобразными знаками препинания: никаких запятых и точек она не признавала, все тире, да тире... Такая эмоциональность! Мне это не нравилось. А еще учитель русского языка!!!

Перепечатанная тетрадь оказалась невостребованной почти 30 лет. Сердечные переживания автора записей и философские рассуждения вызывали у меня лишь язвительные комментарии, потому что верные мысли плохо увязывались со многими действиями и поступками ее самой. Сейчас это кажется мелочью.

Спасибо Олегу Геннадьевичу Пенскому – профессору Пермского университета, математику и писателю – он определил «жанр» этих записок, как «трагедию человека, переходящего в старость. Сам человек не понимает, что пока он кому-то нужен, он живет!» – как верно определен дух этих записей. Именно «сам не понимает!», и я, наконец решила издать эту исповедь неугомонной женщины (многое написано интересно! Главное эмоционально!), посвятив книгу к приближающемуся столетию со дня рождения моей мамы Зинаиды Ивановны Таруниной, бабушки моих дочерей Лены и Инны, прабабушки четырех правнуков. Человек не зря жил, воспитав в нас с братом – Евгением Леонидовичем и в своих внуках дух творчества, вечной неудовлетворенности и бесконечного поиска.

Разве не в этом счастье и заслуга человека – З.И. Таруниной – Учителя с большой буквы.

09.09.2011 г. *О. Тарунина*

Рис. 3.И. Таруниной

«Дневник З.И. Таруниной»
за 1969 г. – после выхода на пенсию

Х. 1969 г.

Вот я и в Ялте, а верней на пляже санатория «Жемчужина». Лежу, загораю. Как я здесь оказалась – длинная история и забавная! Но ведь чем забавнее, тем интереснее! И чего только не случается в жизни? Каких только встреч не происходит, а моя обманчивая молодость и в 56 лет вечно меня ввязывает в забавные истории. Что ж? Веселей жить! Правда, мне не очень весело, когда настоящее раскрывается, но я даже и в этом случае не горюю, «Не жалею, не зову, не плачу». Главное мне теперь так хорошо отдохнуть, спокойно! Вот оно море – безбрежное, перед моими глазами. Море, море – так спокойно ластится к берегам. Оно сегодня очень хорошее!! Теплое, ласковое, манящее! Не ушел бы с моря, но крымское солнце обманчивое; прогреет, приласкает, а потом накажет. И почему не все люди могут пользоваться даже этими дарами? Но вот скоро я должна уйти с пляжа домой. Солнце уже совсем стало щедрым, как бы беды не натворить; во всем себя ограничивай – вот так и живешь теперь.

Но все-таки как же я попала в «Жемчужину»? Дело в том, что приехав в Ялту, я не могла остановиться в гостинице, они были забиты людьми. Я пошла в бюро добрых услуг и мне предложили квартиру на Московской, но вместо двух человек в маленькой комнатухе было набито четверо, в пространство между кроватями была поставлена раскладушка – это должен быть мой дом. Я посмотрела на эту раскладушку и решила поискать себе что-нибудь получше. И вот я вышла к автобусной станции. Там на меня налетели хозяйки квартир: одна тянула, другая тянула, я не знала кого слушать. И вот ко мне подошла изящная, белокурая, голубоглазая, молодая женщина – одно очарование и так это мелодично спросила: – «А ко мне не желаете? У меня комната в самом центре, близко у моря, на четверых». Было поздно, я так устала, что было одно желание – скорей устроиться, и я поехала к ней.

Комната, куда меня привезли, была уютной, светлой. И мне показалось, что меня так долго везли, что я решила – это самый тихий уголок Ялты, и осталась!

Ночью я убедилась насколько это тихий уголок – бесконечный поток машин! Около дома подъем и все эти «Мазы» гудят, пыхтят, свистят – будто все они задохнулись от бензина. В комнате никакого воздуха! Кажется каменные стены тоже источают бензин, к запаху которого примешивается запах винного перегара. Это одна из девиц, живущих в этой комнате, вернулась из ресторана пьяная – и я от других узнала, что это повторяется каждый день. Днем она знакомится на пляже с мужчинами, ночью с ними сидит в ресторане. У меня была бессонная ночь, чуть свет я ушла с Людой на пляж. День был яркий солнечный, но меня ничего не радовало. Надо было как-то объявить Ие, что такая квартира меня не устраивает. Я это сделала вечером, и милое, очаровательное лицо моей хозяйки не только выразило

удивление, но по нему словно прошел ураган – так и сверкали молнии в глазах, но выдержки у ней было так много, что она не показала ни своего гнева, ни своего возмущения и даже посоветовала, как мне лучше устроиться – она меня не торопит, я должна найти хорошую квартиру. И вот я стала искать. Но Ялта меня страшно утомила и мой милый, внимательный спутник – полковник N решительно взял за мое устройство.

– «Как можно так отдыхать, девочка?» – говорил он, пытаясь устроить меня в «Жемчужине». Но при дневном свете, когда видны все до одной морщины и года сквозят через каждую морщинку, раскрылось все.

Да, я и не скрывала, зачем мне скрывать свои годы? Кончилась «игра», каждый понял другого – и мирно разошлись. И все-таки я в «Жемчужине». По тем адресам, которые мне дал N, я не пошла, а нашла квартиру сама – и хорошую квартиру. Правда, это очень высоко, так высоко, будто лезешь к самым небесам, но зато море, как на ладони, а луну хоть рукой доставай – висит она над самым балконом – такая светлая, огромная и серебрит дорожку на море – такой рай! Красиво! Воздух чистый! Воскресенье, я и перебралась. Жаль было расставаться с Людой и Ниной – славные такие девочки, верней, молодые женщины...

Удивительно, человек в этих условиях привыкает к другим людям – четыре дня, а мы будто родные – сколько переговорено! Особенно интересный человек Нина. Она училась в девчоночней школе, со всеми правилами «институтской морали»: на мальчиков не гляди, веди себя, как положено благонравной девице. Росла в бедности, одна мечта-закончить институт, верней, сначала поступить. Забрав деревянный сундучок с одним платьем и книжками, отправилась в Москву – одна! Никого знакомых. Пока шли экзамены ночевала на вокзале. Выдержала, приняла! Училась хорошо, но за учебой забыла, что молодость бывает только раз в жизни. Осталась при институте, и опять не думала, что надо как-то устраивать жизнь. На свою беду влюбилась в одного профессора, а у него семья – вот так и прожила лучшие годы влюбленная без взаимности. Других отвергала. Вот настал такой день, когда как бы с удивлением спрашиваешь себя: – Да, когда же пролетели эти тридцать восемь лет? И неужели уже близка старость?!

Нина, конечно, очень молодо выглядит, она хорошо сохранилась, но не так легко и просто в ее годы устроить свою личную жизнь и о себе она говорит с ноткой сарказма и иронии: – Законченная старая дева! – Эта «законченная старая дева» очень интересный человек. Высокая, стройная, с большими глазами и большим носом. Она, конечно, не обладает никакой внешней красотой, но внутренне богатый и интересный человек. Несомненно ей и в друзья нужен такой же настоящий, самостоятельный, а где таких найдешь. Ялта переполнена Дон-Жуанами – таких Нина не признает. Зачем ей легкие романы? Она поставила перед собой цель: как можно больше узнать о Крымском побережье, каждый

день она пускается в дальние странствия. Возвращается переполненная впечатлениями и обо всем рассказывает красочно, ярко, с ноткой неперменного юмора – особенно там, где касается вопросов ялтинских «туристов». Она наблюдательна и смешлива. Такова Нина – с ней очень интересно! Люда – это вторая. Она добра к людям, наивна и доверчива. Все для нее ново, на все она широко открывает глаза, хотя за плечами и опыт жизни, и опыт страданий. Два раза выходила замуж и оба неудачно. О Нине и Люде мне захотелось написать хоть несколько строчек – с ними мне было хорошо даже в этом сыром, беспокойном «каземате». Кто же будет моими новыми соседями?!!

* * *

Первый день и первая ночь на новом месте, и я спала, и дышала! Моя соседка Серафима Иосифовна инженер-конструктор из Ленинграда. Эти заметки я пишу уже позднее, прожив на новой квартире четыре дня и теперь уже могу сказать, что человек она интересный, но жизнь ее тоже горькая. Против желания родителей вышла замуж за русского. Жили хорошо, но муж через два года погиб. Осталась с двухлетним сыном – тут была вся радость и вся жизнь. Но беда не приходит одна. Выростила сына, взяли в Армию – и погиб. Служил где-то около Новой Земли. Сидел, чистил карабин, а он был заряжен и как-то прострелил себе горло. Потеряв сына, чуть с ума не сошла. Теперь только могила – вот и все. Могила сына. Сама съездила за ним и мертвого привезла в родной город Ленинград. Когда она говорит о сыне, очень расстраивается, а можно ли когда-нибудь забыть об этом? Вечно кровоточит и болит. Нервы, конечно, у С.И. не в порядке, она часто курит. К людям она доброжелательна, но насторожена – уж очень она много видела несправедливости по отношению к евреям. Со мной она тоже сошлась не сразу, приглядывалась, да прислушивалась. Не знаю, почему так – умный человек. Я люблю свою Изабеллу Исаковну, Фиру, и никогда не ставила даже вопроса: – еврей или русский? Главное – ты не дурак. Но теперь она со мной держится проще и откровеннее. Мне она нравится!

* * *

Как бежит здесь время! Вот и Сима уехала... И когда пролетела неделя? Сегодня проводила ее – и стало скучно! С ней было хорошо – просто и хорошо! Она человек уживчивый и умеет прислушиваться к желаниям и настроению другого человека. Не знаю, удастся ли нам когда-нибудь встретиться, но о ней у меня останутся хорошие воспоминания. Сколько еще мне придется встретить людей, с кем я еще буду жить – не знаю, но неделя, проведенная с Симой, интересна и значительна. Она тоже радовалась, что последняя неделя прошла со мной, а не с Элей. Эля – это ее подруга по Ленинграду, Еще с весны они реши-

ли провести отпуск вместе, но кажется, если дружба их совсем не расклеится после этого отпуска, то она не станет и прочней. Эля отравила отпуск капризами и мелочами, и это внесло много неприятных моментов в отдых. Красивая Эля по характеристике Симы «скучна, как осенний плаксивый день» – без солнца, без радости и даже без просвета на ясную погоду. С ней человеку холодно и неудобно. И все-таки за молодость и красоту ее балуют любовники, и она имеет огромный успех у мужчин. Как на яркий цветок садятся все шмели, но она колется – и почти всегда одна. В жизни она тоже одинока и несчастна. Теперь воспитывает сына и живет ради него.

Когда Сима говорит о детях, она всегда плачет, нельзя ни забыть, нельзя не помнить о своем мальчике. Сима показывала фотографию сына – удивительное лицо, правильное, открытое, и такие большие, грустные, умные глаза – они так о многом говорят. Мальчик был очень талантлив – и музыкален, и хорошо рисовал. Сима не могла дать ему специального музыкального образования, но после Армии он мечтал пойти в консерваторию на композиторское отделение... И почему так коротка жизнь этого мальчика? Сколько мук, сколько страданий, самоотверженности стоил этот ребенок – и такой печальный конец, гибель в 19 лет. Сима могла бы выйти замуж. Она еще интересна – у ней лучистые «медовые» глаза, светло коричневые, правильные черты лица: небольшой нос, четкие губы. Она мало походит на еврейку и поэтому люди не стесняясь ее, рассказывают зазорные анекдоты про евреев... Это ее в тайне очень обижает и настораживает. За ней ухаживал один человек. Был очень внимателен к ней и кажется горячо ее полюбил, и она привязалась к нему. Но однажды она его спросила: – Как он смотрит на события в Израиле? – Не задумываясь, человек ответил: – Ничто там серьезного не будет! Мы этих евреев придушим, что пикнуть не успеют. Мало еще их немцы расстреливали и вешали... – и это было концом ее любви и увлечения. Сима часто решает вопрос: – За что нас так ненавидят? Ненавидят немцы, ненавидят русские. За что? Кто ответит на такой вопрос?

Да и стоит ли вообще поднимать эти вопросы. Воскресенье, у Жени – были гости – еврейская семья – и я не встретила человека более обаятельного, тонкого, умного, чем тот, который был главой семьи. Он летчик. Окончил академию, но дело, конечно, не в академии, а в той глубинной культуре, которой обладает человек. Женя интересная, но эта холеная еврейка, как и дочка – единственное взрослое дитя – Марина, у которой с папой очень зазорные и дружеские отношения. Она боготворит отца и в то же время часто над ним подсмеивается, мило и хорошо. Отец не остается в долгу. Вечер, проведенный вместе с этой семьей, был настолько приятен, что мы с Симой потом долго говорили о них – какие бывают семьи! И счастлива та женщина, которая имеет такого обаятельного мужа.

Многое бы хотелось записать за эти промелькнувшие дни, но все нет времени, а вот о концерте Эсанбаева не могу умолчать – потрясающее впечатление. Его танцы – это живые повести, легенды народов. Танцует каждый мускул, глаза, руки... И какая отработанность, пластика движений! Умиляет и потрясает до слез – это соприкосновение с талантом. Вечер – ПЕСНИ ТАНЦА. Его задарили цветами, приподносили розы и девушки, пожилые, и особенно трогательно было, когда с букетом на сцене появилась пятилетняя девчурка. В конце своего концерта Эсанбаев поблагодарил публику за теплый прием и сказал, что сегодня ему было радостно и легко танцевать, глядя на такую чуткую аудиторию. И даже сказал несколько теплых слов в адрес администрации: приготовили специально для него сцену и после спектакля ему не придется целую ночь вытаскивать из ног занозы и гвозди, что часто случается на провинциальных сценах. Надо сказать, что многие танцы Эсанбаев выполняет босым – шутка о гвоздях была принята очень мило.

Возвращались домой поздно в автобусе санатория. Девочки – Ира и потом еще одна из сестер-пели такими чистыми, трогательными голосами. Несколько дней я буквально жила этим вечером.

5.X.69

Здесь в Крыму не видишь, как летят дни – проваливаются! С утра идешь на пляж набираться солнечных лучей, а я кажется уже перебрала их. И море – с виду такое ласковое – обожгло своим холодом, и я боюсь, что застудила легкие: что-то начала покашливать! И до чего бывает горяч этот азарт «с загоранием и купанием»! И кому надо, и кому не надо – все лезут в воду и греются на солнце. Но есть ли еще большее наслаждение, как растянуться на топчане и подставить свою спину солнечным лучам – теплым, ласковым, а рядом рокочет море. Лежишь и все беды, все переживания, весь твой мир боли и страданий уходит от тебя, а в тебе и для тебя живет только море, солнце и необъятная синева над головой. Никогда еще в жизни не пользовалась такой благодатью и даже бывая на юге по совету врачей, и в море не купалась, и не загорала. А теперь решила: хоть в конце-то жизни испытать это счастье – и покупаться, и позагорать! Конечно, таким белякам, как я, трудно нагнать на себя бронзовый загар, но и то постепенно я становлюсь темнее... Уже не хожу белой вороной среди других. На пляже своя жизнь – кипучая: люди играют в карты, в шахматы, в преферанс, женщины вяжут и читают, а большинство бездумно лежат, отдав свое тело «на растерзание» солнцу – пусть оно поласкает!

7.X.69 г.

Еду в Ялту. Вечер, посвященный поэзии Евтушенко, читает лауреат конкурса чтецов *Крамаровский*. Народу в театре полно. Но что удивляет?

Почти нет молодежи – такая солидная публика! Да, надо сказать, что за две недели, которые я прожила в «Жемчужине», публика в Ялте совсем сменилась – на набережной гуляют тучные старички и дамы. Вот и в театре такой же состав. Видимо, настала цветущая пора пенсионеров – они заполнили Ялту. Концерт шел с большим подъемом. Так много знать наизусть – это удивительно! Но если в первом отделении читались стихи более идейные, то во втором отделении исключительно личные. Мне не все стихи понравились и даже хорошее стихотворение «Блиндаж» было автором прочитано не так, как я его слышала однажды – тогда было огромное впечатление, потрясающее. Стихи: «Эстрада», «Отверженная», «Свобода убивать», «Я вновь на станции Зима» – читались на высоких нотах, и не трогали, как и «О злости» и «Итальянские слезы». Но вот новое стихотворение «Неподвижность» – это из последних – удивительное по своему содержанию, какие человеческие глубины заключены в нем. Хорошо прочитано стихотворение «Настя Карпова», стих. «Ира». Особенно «Ира»: – «Без звонка опять к тебе пришел, ты со мною вместе погрустишь» – удивительно!

А дальше: «Ненавижу лживых и растленных,
Ненавижу девок современных».

Эта строчка так звучит весомо, когда видишь вокруг этих хохлатых, крашенных девок, оголенных до ужаса, до неприличия – сколько их! И почему утрачено чувство меры!?!

Понравилось мне стихотворение «Со мною вот что происходит...» – искреннее, и как часто это бывает в жизни: «Совсем не *та* ко мне приходит и руки на плечи кладет». Вот так трудно бывает найти «*ту*» или «*того*», и как это здорово: «Нарушь чужих людей соединенье

И разобщенность близких душ».

Но кто в силах это сделать?

Громкие аплодисменты вызвало и стихотворение «Женщинам». «Лучшие мужчины – это женщины – это я вам точно говорю».

Вот такие вечера – соприкосновение с истинной поэзией – окрыляют, будто сходишь в храм и очистишься от грехов. Душа запела – пусть и не поэтическая, но она встрепенулась и запела. Почему раньше люди, да и теперь еще некоторые, ходили и ходят в церковь. Там тоже своеобразное соприкосновение с красотой, а всякое соприкосновение с красотой очищает человека. Надо бы почаще такие вечера устраивать среди молодежи, привлекать ее усиленно, а потом само собой вкус появится... Я бы чаще бывала в Ялте – в театре, но от «Жемчужины» путь далек. Ялту же стоило променять на этот тихий – тихий уголок рая! Здесь и тишина, и упительный воздух.

Как хорошо, что мне здесь есть возможность читать, в «Жемчужине» богатая библиотека. Сколько я уже прочитала за это время! Вчера закончила роман Андреева «Спокойных не будет» – это как бы продолжение книги «Рассудите нас люди». Не могу не записать рассуждение Алексея Токарева о любви:

«Природа, наградив человека инстинктами, позволила ему культивировать их до тончайших чувств и ощущений. Я улыбнулся не без горечи: больше всего мук и разочарований, счастья и радостей, бед и страданий выпало на долю любви. Ее – за века! – украсили волшебным розовым туманом, воздвигли над ней бесчисленные радужные арки, голубые горы цветов бросили к ее ногам. А она, жадная до славы, требует новых клятв, новых приношений, новых подвигов и жертв. И в самом деле из всех женщин, живущих на земле, природа выделила для меня одну. «Смотри и запомни», нет другой такой, с таким лицом, неповторимым в своей прелести, нет такой улыбки, от которой остановилось бы сердце в необъяснимом изумлении, нет такого голоса, нет таких рук».

Роман закончен – Жеки и Алексей вместе!

* * *

В журнале «Октябрь» прочитала повесть «Хозяин». Написано убедительно и интересно. Страсть к вещам, хозяйству – стимул дня. Разве мало таких людей? Они только живут для наживы – все остальное подчинено этому! Удивляется Н.С. – как можно? А разве в ее характере с такой отчетливостью не проявляются эти черты? Если бы люди только умели на себя смотреть со стороны: наверное, они бы стали лучше!!!

* * *

На каждого человека находят особые минуты Откровения. Человеку просто необходимо бывает разгрузиться от тяжести своих тревог и болей – и вот он щедро выплескивает даже самое интимное, что бережно хранил в глубине своего сердца. Потом, может быть, и приходит раскаяние, но это позднее – пока льется поток откровения – и кажется надо все-все высказать до конца. Что же? О Жене за один вечер я узнала больше, чем за две недели. Как там не говори – трагедия Одиночества уже начинается.

* * *

Море спутало все мои планы. С утра я собралась поехать в чайный домик, чтобы еще раз посмотреть на картины Богуславского и Волошина, некоторые из них даже зарисовать в свой альбом. Пришла на катер – и увидела, как этими суденышками играет море, будто легонькие, спичечные коробки, которые подбра-

сывает вверх! Так что того и гляди перевернется этот коробочек и из него вылетят все люди. Испытать это удовольствие я не пожелала и пошла на автобус, а автобуса так долго не было, а потом он пришёл и довёз только до беседки – отсюда шла дорога ко дворцу, а до центра Алупки было далеко. И вот я пошла в Алупкинский дворец. Дорога шла под гору, идти было легко... Какие дали кругом открывались, что это был за вид – такая красота! И будто через яркий узор кружев, такой замысловатый, смотрела на этот необычный пейзаж. Краски осени уже творили своё дело! Глаза уставали от яркости – ослепительной и броской. И горы – с огоньками растительности, и море – слепяще голубое!

Я шла не одна. Со мной шли муж и жена с ребёнком. Они отдыхали в Мисхоре – пансионате и решили сходить в Алупкинский дворец. Всю дорогу оживлённо разговаривали: о том, что в Крыму удивительная осень, необыкновенный воздух, наполненный солнцем и сосной, морским солёным ветерком, что они первый раз в этих краях, всё ездили на Кавказ, но больше их туда не потянет. Круглая девчонка, розовощёкая, белокурая ни за что не хотела идти сама, и отец тащил этот жирный, розовый пончик. Своя ноша не тянет, говорят, но у меня бы от такой ноши заболели и руки, и спина. Отец добродушно посмеивался:

– Хитришь, Наташка? Ну, смотри вечером я тебя накажу! – Уж как её отец собирался наказывать, но пока он с великой радостью тащил своего «ребёнка» – вот так иногда любящие отцы тащат на загривках своих детей до самой смерти.

* * *

Алупкинский дворец я посещаю не первый раз и всё равно впечатление было очень сильным – какой дворец и какая в нём роскошь! Вот жили люди и ушли, после себя оставив глубокий след – на века! Миллионам других людей – смотрите и восхищайтесь! Многие твердят: – «Чужими руками», «На крови и на костях». Как бы там ни было, а всё-таки Воронцов – человек необыкновенный – талант деятеля, организатора, преобразователя. Другие тонут в деньгах и ничего человечеству не оставляют. Он оставил после себя на земле многое – и дворцы, и дела! Это он проложил первую дорогу от Севастополя до Симферополя, это он построил этот великолепный замок, это он сумел его с таким вкусом оборудовать. «Чужими руками». Чужими – наивность наших людей... Наверное, не чужой дядя, а сам Воронцов выбирал это место для замка! Это он принимал проект архитектора Эдуарда Блорна, это ему приходилось иметь дело с другим архитектором Гуном, который воплощал и изменял замысел Блорна. А кто заказывал скульптуры Бенини для украшения фасада? И кто оборудовал этот дворец?!! Всё «чужие руки и чужой талант» – не будем об

этом спорить. Красота живёт и радуется! Ещё ни одно поколение будет причащаться к этой красоте! Благоговейно и с изумлением! Здесь не только поражает отделка комнат (малая гостиная, парадная столовая, голубая гостиная – чудо!), мебель, но и то великое богатство произведений искусства – скульптуры, картины. Здесь все почти подлинники. В зимнем саду например стоит скульптура Карделини «Девочка» – где ещё с такой тонкой отделкой использован мрамор? Каждая складочка на её платье живёт, живут глаза, волосы, руки. Кажется, вот она что-то нам крикнет своим звонким голосом. А картина Кульбаха «Дама в розовом» – это просто непередаваемая красота! Где мне можно увидеть такую картину? Хороши и парадные портреты Лампи – отца и матери Воронцова. Здесь же встречаются картины Ван-Дейка. В голубой гостиной в 1863 г. выступал Щепкин. Он читал поэму «Мертвые души», заболел и умер в Ялте.

А какие удивительные натюрморты Снелрсе – это в бильярдной. Здесь во дворце и картины Рокотова, Левицкого, Боровиковского, Кипренского, Боголюбова, Айвазовского, Щедрина, Крамского, Васильева, Савицкого, Маковского, Ярошенко.

Здесь можно встретить и картины Касаткина, Коровина. Многие картины этих художников я видела в первый раз. Например, чудесная картина Васильева «Облако» – одно облако, но сколько жизни в картине, какие она пробуждает чувства. Или картина Клодта «Покинутая» в тёмных тонах. Левитана «Три сны» – местный пейзаж. Да, разве всё упомнишь? Унесёшь в своей памяти? Говорят специалисты-художники, что картина Коровина «Улицы Парижа» – это вообще неповторимый шедевр. Может быть! Меня привлёк, например, женский портрет Бакста – такое выразительное лицо. Художника Фюка портрет Бехтерева; это ученик Репина и портрет выполнен с поправками учителя. Очень хорошо написан портрет Гончарова художником Ярошенко. Экскурсовод обратил внимание на портрет сенатора Валуева – написан Боровиковским. Валуев из простого звания достиг вершин власти – своим умом! Так разве дворец Воронцова не яркое свидетельство талантливости, одарённости русского простого народа. Голубая гостиная – это на голубом фоне – лепка из алебаstra, работа выполнена крепостным. Или из камня диабаз сделаны крепостными с резьбой каминные – это разве не чудо? А мебель!?! А малая гостиная – какая там резьба! Это всё творили человеческие руки простых мастеров, одарённых великим талантом художников. И вот когда слушаешь, что этот дворец хотели взорвать немцы – он был весь заминирован – даже мурашки по коже – уничтожить такую красоту! Уничтожить великий памятник искусства, тут уж ничего не восстановишь, ничего не повторишь. И вот в наше время много талантливых людей, но это всё в другом духе и другом стиле.

14.X.69 г.

Не успела я одеться и уйти на море, как к нам пришла девушка и спросила меня. Что такое? Я даже испугалась – кто меня здесь знает? Но девушка называла моё имя и фамилию. Оказалось, что она пришла пригласить меня читать лекцию, она слышала, что я читала для сотрудников санатория «Жемчужина». Всем лекция очень понравилась и ей, как профсоюзному деятелю среди студентов, порекомендовали обратиться ко мне – не прочитаю ли я эту лекцию для них? Время – какое угодно! Лучше всего сегодня в 7, т. к. у них профсоюзное собрание и многие приедут из Ялты. Я подумала и согласилась – разве не радость разговаривать с молодыми? Девушка сказала, что они меня встретят на остановке «Марат», а то могут прийти за мной.

Днём я ездила в Алупку. Снова была на выставке. Что-то пыталась зарисовать, но что успеешь в один-два часа?!! Тут праздник красок! Такие необычные сочетания! Всё-таки удивительно, как могут волновать «немые картины». Но в павильоне было холодно – так бушевало и сердилось море, что этот шум действовал удручающе и ещё больше охлаждал. Ветер ужасный! Но, когда я шла парком, согрелась. Деревья огромные и заслоняют от ветра. Не заметила, как и дошла до «Беседки» – народу была тьма! Все волновались: опаздывают на обед, а автобусы шли только в Ялту. Вот в такие минуты раскрываются и характеры людей – широкое поле для наблюдений! Остряки шутили, но это были такие шутки, что они не занимали и не радовали ожидающих автобуса. Я невольно отделила одну женщину – её нельзя было не заметить. Немолодая, но одета как девочка – розовато-светлое платье с цветочками и оборочками. На голове платочек, а в руках огромный букет из осенних листьев, собранных с таким вкусом! Яркий букет и яркая женщина – это актриса из пансионата. Но как фамилия этой актрисы, я не знала, но в лице было что-то такое знакомое. Она сидела в такой забавной позе, что казалось – сейчас вспорхнёт и улетит, как бабочка, но она на моих глазах несколько раз пыталась по-новому сложить букет. Мне казалось букет – само совершенство, хотелось даже зарисовать его, но её, видимо, не устраивало и она переделывала его по-новому – и так без конца. Видно было, что ей доставляло глубокую радость это делать, она никого не видела и не замечала. Наконец, сложив так, как ей нравится, она встала и пошла пешком в сторону Марата. У многих уже иссякло всякое терпение ждать. Кто-то насмешливо буркнул: «Артисточка пешком пошагала, а мы чего сидим?». В это время подошёл большой автобус, всех посадил, но тут же высадил, т. к. его группа вернулась с экскурсии, и мы опять стали ждать. Видимо, везде одинаковое движение и везде – в любом городе – самодуры-шофера пользуются своими правами, чтоб помотать публике нервы. Сколько сегодня людей опоздало на обед. Я вернулась домой поздно, усталая и даже не удалось

отдохнуть – за мной пришли девочки. До Марата мы шли пешком. Любовались закатом солнца. Когда пришли в Марат, там было так много народа на улицах! И пели, и танцевали. И из окон санатория слышались песни. Столько гуляющих, будто это вторая Ялта. «Так здесь же больше тысячи народу отдыхает!» – объяснили девочки. А у нас-то какая тишина! Было уже темно – на юге так рано темнеет! Но вот и общежитие! Длинная, предлинная комната. На середине стол, белая скатерть, букет цветов. Гардероб, около десятка кроватей, тумбочки, стульев не хватало и девочки сидели на кроватях. Нас уже ждали! Я почти сразу начала лекцию, – было человек 25, потом ещё пришли! Читать было легко – они все около меня сидели. Такие хорошие девочки! Вспомнились мои десятиклассницы! Внимательные горящие глаза и такие молодые милые лица. После лекции они горячо поблагодарили меня и приподнесли большой букет цветов. Я была тронута таким вниманием. Потом они меня проводили и вот я, казалось бы очень устала и должна быть опустошённой, но я, наоборот, чувствовала себя какой-то наполненной – день не зря прожит!

15 октября

Как бежит время! Опять пролетело полмесяца, а день сегодня был какой-то бестолковый! И на море не ходила, и дома по бестолковому провела. Сегодня как-то особенно скучала о доме! Здесь я приобщилась к новой газете «Курортная» – живая и интересная газета, её прочитала. И всё почему-то тревожно. А Женя сказала, что дома будет в 5–6, а вот уже семь часов – и нет! Видимо, загулялась со своими друзьями, а я заскучала о доме, о девочках – так бы сейчас повидала своих внушек...

Я не успела дописать свои мысли – звонок – и вот под руки ведут Женю – что такое? Оказалось, что прогулка с «друзьями» кончилась полной неудачей, Женя поломала пятку. Нога у неё в гипсе. Оказалось, что это был страшный вечер для неё – из клиники в клинику – пока не обнаружили перелома и пока не наложили гипс. Нервное состояние Жени ещё не прошло, и мужчина, который её ввёл, верхней принёс, без конца повторял: – «Успокойся, Женечка, всё будет хорошо!». Затем они все ушли. Мы остались с Женей вдвоём. Вот ведь как бывает: ни в горах, ни на подъёмах, а на ровной дороге, совершенно ровной поломалась пятка – поскользнулась и упала. Долго не могли обнаружить перелома, а боль адская. Женя плохо спала ночь – не знала куда и как положить ногу.

16.X.69.

Для меня началась новая жизнь. Долго возилась утром по дому, ходила в магазин за кефиром. Всё это пустяки, если бы не проклятые лесенки – вверх, вниз, вернее вниз, вверх, а пока их вверх пересчитаешь, сердце так и бьёт тревогу. На

пляж пришла поздно, но познакомилась с милой семьёй. Женщина – живая и говорливая, зовут её Тamarой. Она с дочкой – девочке нет и шести лет, но она очень развита, великолепно читает и разговаривает, как взрослая. Удивительные серые, умные глаза у девочки, волнистые волосы. Девочка сердечница – это чувствуется и по её необычной толщине – такая кубышка! А с ней играла другая девочка, пришла вдвоём с матерью. Женщина «из современных» – кокетливая ломака! Девчонка без матери вела себя спокойно, разговаривала нормальным голосом, при матери также ломалась, кривлялась. «Ты моя доченька, ты моя красуленька, ты мои косточки!» – напевала мать, лаская белокурую худощую девчонку. – «Доченька! Донюся!» – повторяла мать без конца.

– Ой, мамочка, ты зовёшь меня так и дядя Миша тоже меня называет Доня. Он думает, у меня такое имя.

Вскоре пришёл и дядя Миша – такой солидный мужчина, седовласый с приятной, располагающей улыбкой. И вот тут и началось... Трудно было понять, кто перешеголяет в кокетстве – мать или дочь? Ирочка – так звали девочку висла на шею дяде Мише, щекотала его и заявила:

– Дядя Миша, у вас бровки растут и на руках, и на ногах, как у нашего папы.

Это заявление вызвало такое умиление у мамочки, столько рассказов о милом ребёнке, который умеет всё выдумывать необыкновенное. Она не говорила ни одного слова естественно, ни одного! Из разговора я вскоре поняла, что мать у ней врач, отец полковник – уехал в Москву по каким-то важным делам. А девочка дома по этому поводу заявила: «Разве вы люди? Отец едет в командировку в Москву, ты отдыхать к морю, а я по вашему никто – сиди дома и скучай!». Что было делать родителям?! Решили и Ирочку вести к морю, чтобы всё-таки не выпасть из разряда людей. И всё это мать рассказывала при девочке, а девочка расщевивала рассказ более яркими и убедительными подробностями о сестре: как можно было оставаться в доме с этой задавакой? Подумайте, она в один год бывала и в Москве, и Ленинграде. Зачем тогда было родить её, если одна пользуется всеми благами, а другая ничем – только и слышишь: «Маленькая» – будто маленькие, как старушки, должны только караулить дом. Такая несправедливость! Мать умилялась всеми рассуждениями дочери:

– Ну, вот, Донечка, ты и у моря!

– И хорошо! Но только почему ты мне не разрешаешь купаться?

– Тебе нельзя, моя крохотуленька!

– А я хочу! А я хочу! – капризно твердила девчонка – Дядя Миша, поведите меня купаться!

– Мама же сказала, тебе нельзя.

– А-а! Что она понимает? Она врёт... И довольно бестолковая, как говорит папа: то нельзя, это нельзя. Мы и в доме уже не обращаем внимания на все эти «нельзя».

– Дочка, ты позволяешь себе грубости!

– С тобой только так и можно! – парировала девчонка.

Эта белокурая, тощая, синеглазая, верткая, языкатая девчонка во всем подражала матери, и неутомимо кокетничала с дядей Мишей, цеплялась за его шею.

Мамочка щебетала: – «Доченька, ты утомишь дядю Мишу... Доченька, детка не надо так!». Но все слова матери были в пустую. Мне кажется, все матери делают величайшую глупость, таская по курортам своих детей. Вот где в ребёнке пробуждается женщина – злая, мстительная, капризная, ревнивая – дядя Миша должен принадлежать только ей и уделять всё внимание.

* * *

Не знаю о чём и писать? Или об изумительных закатах, которые поражают игрой красок, о бескрайнем море или о своей тоске по дому – всё как-то волнует и тревожит! Дни бегут... Стали они холоднее и море не такое ласковое, и всё-таки не хочется покидать Крым. Не хочется лишь только потому, что здесь я чувствую себя значительно лучше. Не болит голова, легко дышится. Женя мучается с ногой – она болит и не даёт покоя. Теперь я больше вечером бываю дома, болтаем с ней и время летит. Иногда читаем. Я сижу над книгой «Семья Буссардель» Филиппа Эриа. Собираюсь прочесть всю трилогию. Одновременно читаю «Записки» Жукова – это читать трудно, имена, даты, армия и нет никакой лирики, сплошная военная стратегия, но с книгой легко засыпать. Надо сказать, что мы с Женечкой иной вечер умудряемся заваливаться в девять часов – это же произошло с нами и сегодня. Вдруг сон наш нарушен нетерпеливым звонком, кто бы мог быть ночью? Голос за дверью басовитый: – «Дядя Федя». – Я сказала, что Женя спит, но он настойчиво требовал открыть. Женя уже давно проснулась и сказала: – «Откройте, Зинаида Ивановна!». Этот дядя Федя – косая сажень в плечах. На голове берет – лицо такое шанежное – испугаться можно, голос громкий. Хохол так и сыпал словами: – Пришел попроведовать свое начальство. И как это такой «Цокатухе» угрозило сломать ноги? Что за притча, столько бегала, и как бегала! Не сломала, а тут сломала! А вот он, дядя Федя, должен по два дня в неделю перерабатывать... Не забудет ли начальница выплатить за переработку, когда выйдет на работу? – Ох и хохол! Пришел ночью к больной сказать, что он и часу задаром не переработает... С какой стати? Действительно, сколько наглости в человеке. «Вот видите, Зинаида Ивановна, с какими людьми мне приходится работать!?» – сказала Женя после его ухода. Да, такие люди шагу даром не ступят!

* * *

Кажется сегодня один из самых приятных дней, верней даже не день, а вечер особенный. Я пошла в корпус к Ане, ее не оказалось, и я решила побродить в парке. Зашла в беседку, там сидели дядя Миша, как его называет Ирочка, ее мать

и герой Сов. Союза – полковник Евгений Петрович. Все весело меня приветствовали, куда я исчезла? Я объяснила, что я никуда не исчезала, это они скрываются неизвестно где. Долго шутили, Евгений Петрович долго рассказывал о своих внуках, что за чудо. У одной сегодня день рождения и он отправил телеграмму. У Михаила Никитича – ни детей, ни внуков! Он так привязан к маленькой Ирочке, что, наверное, ее заберет к себе домой. Ирочка была довольнешенька, она с дядей Мишей хоть куда поедет. После шуток решили поиграть в карты, но решение как-то само собой переменялось – стоит ли? Ирочка кричала: «Я хочу! Я хочу! Дайте мне карты!»

Я сказала: «Детям в карты играть не положено!» – и не дала ей карты. Началась истерика. Девчонка кричала: – «Я хочу! Я хочу!» – Мне не хотелось такать девчонке. Что еще за капризы?

Вот тут-то она и разошлась – умылась слезами. А мамочка к удивлению всех взяла ее на руки и начала утешать. Дядя Миша тоже, а девчонка давала концерт. Сколько я говорила: – «Оставьте ее в покое. Не обращайтесь внимания!» – «Что вы? Девочка изойдет слезами!» – «Ничего, золотую слезу не выронит!» – сказала я равнодушно.

– «Какая вы бессердечная! У вас, наверное, никогда не было детей!» – жеманно заявила Людмила Николаевна (Л.Н.).

Хотела я сказать, что я не только своих воспитала – и оба кандидаты наук, но и чужих более тридцати лет воспитывала, но решила лучше молчать – зачем говорить? Все равно не поймут, это были варвары-воспитатели, а девчонка умела их использовать. «Донечка! Детка!» А дядя Миша и Ялту обещает, и золотых рыбок, и карты новые купить, пусть только детка не плачет! Ну, раз купят карты, повезут в Ялту, можно и не реветь. – «Только не обманывайте!» – девчонка выторговывала твердо, резонно! – Ах, что же с Ирочкой? – щебетала на ушко дяде Мише мать. – Она же никогда не плакала. Уж не заболела ли она?

– И я удивляюсь! – говорил дядя Миша и обнимал девчонку за плечи.

А девчонка опять нежилась, кривлялась, кокетничала.

А мне хотелось кричать: – «Варвары! Зачем вы портите ребенка?» – Но сколько здесь таких варваров, и какое мне дело до них?!?

После всех слез, истерик, пошли гулять в Днепровский парк. Шутили, смеялись, всё, кажется, стало на свое место. Л.Н. при всяком удобном случае старалась девчонку оставить со мной, а самой остаться с Михаилом Никитичем прижаться к нему, поиграть с ним.

В Михаиле Никитиче было что-то такое хорошее, располагающее, или его особая светлая улыбка, или его мягкость? Он говорил о том, что когда он влюбится, он непременно становится поэтом, стихи пишутся легко и с вдохновением. О крымских переживаниях он непременно напишет стихи.

– Кто же вас вдохновит? – сверкая глазами и улыбаясь, спрашивала Людмила Николаевна.

– Ирочка! – шутил Михаил Никитич (М.Н.) – и затем обращался ко мне, не пишу ли я

– Стихов? Нет! Я только читаю чужие!

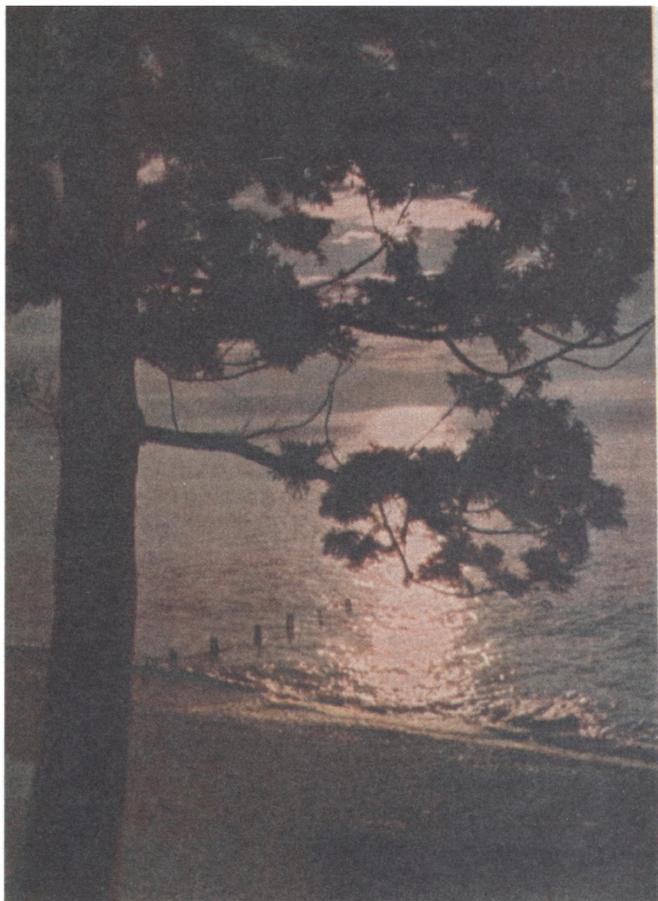
В парке Днепра всем понравилось. Не парк, а чудо! И эти роскошные ивы над водоемом, и этот домик в готическом стиле, и эти благоухающие розы.

– Вы только понюхайте, Михаил Никитич! Как они пахнут! – восторгалась Л.Н.

Все выражались восклицательными предложениями. Я невольно подумала: Неужели она и вдвоем с М.Н. разговаривает таким же тоном? И неужели он не устал от этих восклицаний? Нет, от таких женщин не устают, их любят. За что? За легкость, за игривость, за то великое женское начало, которое дарит молодость. Людмила Николаевна – во всем женщина! М.Н. человек большого такта, и поэтому он делал все возможное, чтобы и мне было приятно в его обществе, но мне все время казалось, что за этим кроется особая мужская хитрость – ускорить события, сближение с Л.Н., возбудить у ней чувство ревности. Мужчины тоже кокетки! Я уже не умею обманываться в отношении себя! «Все в прошлом!» Но вечер был чудесный, приятно побыть с умным, славным человеком. Несмотря на капризы Ирочки, на хитрость Л.Н., мне было приятно побыть с умным и славным Михаилом Никитичем – такие люди сейчас не так часто встречаются.

Позднее – после ужина – ходили на концерт в «Украину». Билеты покупал Тамарин муж – это такой простоватый, несколько наивный дядя, в форме полковника при всех регалиях выглядел таким важным – генерал! И даже исчезла его простецкая улыбочка. Тамара была тоже одета со вкусом, а я в своем неизменно синем костюме. Настоящий «синий чулок» – все-таки как резко я отличаюсь от этих командирских жен – ни блеска, ни шика! Как воробей среди радужных колибри. Ну, что ж? Каждому в этом мире свое.

Концерт мне не очень понравился. Ленинградская эстрада! А на уровне самодетальности, при том не очень талантливой и взыскательной. Просто глушили звуками, даже певиц не очень было слышно. Словом, от концерта никакого удовольствия, это был просто выход в свет! Что из себя представляют отдыхающие в «Украине»? Это особая публика – тузы! У каждого живот кг на 60, а лица с тремя-четырьмя подбородками. У мужчин и глаза заплыли жиром. Современная аристократия! Больше всего я удовольствие получила от прогулки, была чудесная, светлая крымская ночь! Высоко в небе плавала в перистых облаках огромная луна. Море сверкало и переливалось. Пахло морем и сосной – такой свежий воздух! И на дороге лежат узорные тени – божественная ночь!

**Черное море. Лунная дорожка.
Цветное фото Я. Холипа**

* * *

Женя все еще плохо чувствует себя с ногой, она ее беспокоит, болит и ноет. Ночами она плохо спит. Здоровому человеку трудно привыкнуть к малейшей боли! Это я чувствую по Жене. «Не хочу жить! Не хочу!» – иногда вырывается у ней, как вопль отчаяния, а если разобраться – что там пятка? Пустяки! Вот, когда имеешь плохое сердце и ощущаешь его все время, вот тут уж ничем не можешь. У Жени все-таки есть друзья и, видимо, настоящие. Катя, Аня почти каждый день заходят, делают для нее многое. Я часто теряюсь и не знаю,

что лучше – быть ли больше с Женей или уходить и не обременять своим присутствием. Удивительно, у людей во всем «сложность». Сегодня ездила в Ялту, надо было проехать в «Сосняк» и повидать Л.П. Ольховскую. Оказалось, что она только на днях уехала в отпуск. И тут неудача!

В Ялте купила помидор, яблок, винограду и букет кремовых хризантем – порадовать Женю. Да, цветы ее тронули! Она любит цветы! И у ней есть вкус – в этом я уже убедилась. Вечером я гуляла в Днепровском парке, одна, так было хорошо! Тихо! Затем встретилась с Ниной Федоровной – из Киева. О многом поговорили. Когда я вернулась домой, Женя уже засыпала.

* * *

Что-то мне принесет этот день? По настоянию Жени я решила идти на Днепровский пляж – пришла рано утром! Тишина. Никого нет! Сестра пропустила меня. Море сегодня такое тихое... Солнце пряталось за облаками, но было очень тепло. Так тепло! А день разыгрался – такой яркий, солнечный. Даже палило! И на пляже было очень жарко! Многие купались, но я не взяла с собой даже второго купальника, поэтому только погрелась на солнце, и ушла! Мне, конечно, было очень скучно без моих друзей. Все новые люди. Незнакомые! Правда, я познакомилась с новой семьей. Ее зовут Вера. Молодая, красивая хохлушка – с удивительными глазами! Веселая и задорная. Она еще только приехала. С ней мы поболтали, а потом я пошла обедать, а вечером ходила любоваться на закат.

Море, закат. Фото В. Панова

Удивительные здесь закаты – такая игра красок. Небо меняется каждую минуту и даже положение облаков, пронизанных золотом заката, тоже изменяется. Чудо! И чем ближе к ночи, тем удивительнее становятся краски. Луна с одной стороны, солнце с другой. На какие-то 2–3 часа становится совершенно темно. А часов около одиннадцати начинает властвовать луна – такие расстилает кругом кружевные дорожки, а на море серебристую, сверкающую. Я почему-то думала, что ночи в Крыму темные: глаза выколи! Такими они мне запомнились, а вот этот месяц ночи светлые – лунные.

Ходила сегодня в кино «Тайна деревянных идолов» – оказывается я уже видела эту картину. Целая группа людей спекулируют алмазами, привозят их из-за границы и прячут в деревянных статуэтках. Их пытаются разоблачить начальник полиции, но его убивают, как убили и до него несколько человек. Эта черная «Ревьера» – ужасна! Вообще в санатории изо дня в день идут картины с убийствами или о войне. И на этих картинах полно детей. Вот в нашем доме живет интеллигентная семья. Муж – врач, сейчас работает в Чехословакии. Его жена заменяет теперь Женю в клубной работе. Казалось, женщина не глупая, а мальчишку калечит – отпускает его вот на такие картины. Мальчику десять лет. Он учится во втором классе, а возвращается домой в 11. Спрашивается, зачем это делается? Причина важная: мать должна без ребенка принимать любовников. Мальчик не так глуп, чтоб не понимать: «Почему он часто должен оставаться на улице или ходить в кино?». «Нервный ребенок» – таким он слывет. А вот рядом с Женей живет семья, где родители вообще не знают, что делается с сыном. Этот шестнадцатилетний подросток нигде не работает, не учится, сожительствоует с женщиной – пожилой, тащит у родителей вещи и деньги, и они с ужасом всех спрашивают: – Что с ним делать? – На днях разбил чужой мотоцикл, за который, видимо, тоже придется расплачиваться родителям. На днях он стоит у дверей и стучит в свою квартиру так, что сыплется штукатурка. Я вышла и говорю: – «Дома никого нет. Я видела, как Ваша мама ушла».

Он как двинет ногой по двери и со всюю злостью выкрикнул: – «Вот гады! Сволочи! Уходят и ключей не оставляют!»

Даже страшно со стороны смотреть на этого подростка: весь оброс, как Тарзан, глаза злые-злые. Весь загорелый и дикий какой-то. Соседи и родители его боятся. Это единственное дитя – «радость папы и мамы!» В чем тут секрет? «Почему он такой?» Я все-таки думаю, что-то неладно в семье. Мать не работает, занимается «продажей и перепродажей». Это тоже не пример для ребенка. На юге дети много видят плохих примеров. «Курортные места» – это благодатная почва для воспитания тунеядца.

Люди – и какие у них судьбы разные – кто по жизни идет при благоприятной погоде, а для другого все штормы да бури. Иного эти бури закаляют, другой гибнет. Иногда – на пляже – такие истории услышишь, хоть пиши роман.

Что характерно для людей? Вот здесь они как-то неожиданно могут обнажить не только тело – это уже положено на солнышке, да у моря, но и обнажить душу со всеми сокровенными мыслями и болями – так ее и распахнет! Nate, мол, я вот такой – а что делать?

Наверное, на каждого из нас находят такие минуты Откровения, надо перед кем-то высказаться. Вот и сегодня со мной рядом оказался мужчина лет 50 – крепкий, подвижный, говорливый. Когда он узнал, что я из Перми, это подпало его красноречие еще больше. Оказалось, что он в Перми жил очень долго, тогда секретарем обкома был Струев, потом Галаншин. Это он строил новую ветку Кизел-Березники. По специальности он строитель ж.д. сооружений. Наверное бы и до сих пор жил в Перми – там ему нравилось, но у него неожиданно заболела жена энцефалит мозга. Лечили все светила (он называл имена знаменитостей) – и жену удалось спасти, но было предписано изменить климат, его перевели в Харьков. Человек развитый и начитанный, он оглушил меня своими познаниями мемуарной литературы, особенно военной, тут я потерялась! Когда же зашел разговор вообще о литературе, тут я была на высоте своего положения, и он с сожалением сказал: – Как жаль, что я завтра уезжаю! Надо же такому случиться, последний день в санатории и встретить такую интересную и содержательную женщину – буквально человеку не везет! – Разговаривали не только о книгах, но и о наших общих знакомых, оказалось, их достаточно. Со Скумбиным он часто встречается в Москве – приятели! Знает он и Римскую – писал книгу и она приняла активное участие в ее продвижении. Даже оказалось, что он жил в том же доме, где жила Римская. О Перми он первое время скучал, но теперь привык к Харькову – город теплый и красивый – мне обязательно надо приехать и посмотреть. Но мы расстались даже не назвав друг другу свои фамилии – встретились и разошлись, а вот все-таки вся жизнь этого человека прошла передо мной – от деревенского мальчика, случайно оказавшегося в большом городе и попавшего в комнату «привода», потом дни, проведенные в приюте, потом школа, институт, академия – это судьба людей, которые росли вместе с государством, пестовали его и строили!

* * *

Дни наступили холодные! Сидела у моря в одежде и читала. Народ почти весь исчез – не решались сидеть у моря, потому что ко всему еще и дул сильный ветер – такой резкий, порывистый. Я долго сидела одна. И вдруг ко мне подошел пожилой мужчина, в пальто и в шляпе. Начался разговор о погоде, что-то плохо греет, пальто не придется снимать, чтоб погреть старые кости. Человек и о погоде, и о себе говорил с юмором, с издевочкой. И каждая фраза у него была как-то к месту и по особенному сверкала. Я невольно поинтересовалась, кто же он по специальности. Он охотно сообщил, что он – бывший инженер-энергетик – сейчас уже десять лет пенсионер. Персональный. Вскоре я узнала, что у него три дочери, два сына, три

зятя, две невестки и семь внуков, и так как у него уже склероз, то пришлось завести особый календарь, где расписать всех дни рождения. Не приведи, господи, кого-нибудь забыть и не поздравить! В этом месяце у него трое именинников – невестка, дочь и внучка. Он должен немедленно ехать в Ялту за подарками. У женщин больше вкуса – не составлю ли я ему компанию? Я сказала, что катера к «Жемчужине» не пристают, а ехать автобусом утомительно и я не поеду. Он и тут с юмором расценил мой отказ – пригласи меня молодой человек, наверное бы, не побоялась никакой дороги, а вот он решил набраться смелости и предложил мне это «приятное путешествие» – и сразу потерпел неудачу. Этот семидесяти двух летний старичок умел шутить и над собой, и над другими безобидно, весело! Такой очаровательный собеседник. Рассказал он и о своем доме. Он, как Гималайский, осуществил свою мечту: у него дом и крыжовник в саду. Он вывел новые сорта яблок, вишни, и когда умрет, то родственники постараются обнародовать его труды, как мичуринца. Раньше он этих способностей в себе не обнаружил, был убежден, что прирожденный энергетик! Жаль, что мы поздно познаем в себе истинное призвание. На восьмидесятом году он открыл, что его тянет к Слову – узнать происхождение каждого – и он заболел еще одной болезнью: стал приобретать все словари – и прежде всего, конечно, обзавелся Далем... Вот был человек – изумительное наследство оставил – развлечение для стариков!!! Узнав, что я отдыхаю «дикарем», он пожалел меня – я обкрадываю себя.

Я удивилась: – В чем?

«Человек – стадная скотинка» – рассмеялся он – «и в стаде он чувствует себя лучше!»

– Я люблю одиночество! – сказала я.

– Это вы только себя обманываете... И потом Вам совестно прятать свой талант...

– Какой же это? – удивилась я.

– Очаровательной собеседницы.

– О, вы умеете и льстить!

– Нет, я просто еще не разучился познавать людей...

Не знаю, о чем бы я еще поговорила с этим человеком, но в эту минуту наша беседа была прервана басом Ивана Яковлевича:

– А-а, вот она где от нас скрывается!

И они буквально «утащили» меня играть в карты. Тамара опять рассказывала о своих новостях «как рождается сплетня». С ними пришел новый сопалатник Ивана Яковлевича, но человек неинтересный и ограниченный.

А вечером я никуда не ходила. Были девочки – Аня и Тамара. Когда они ушли, мы остались вдвоем с Женей и проболтали весь вечер. Женя рассказала о своем детстве, тяжелом и безотрадном. Было девочке семь лет, как началась война. Жили на оккупированной территории, на хуторе. Когда Курская область была освобо-

дена, их эвакуировали, жили в хибарке около коровника, запах навоза, кудахтанье кур, возня овец. Все эти ощущения остались в памяти, как неотъемлемая часть детства, особенно тяжелые запахи испражнений! И холодные, и голодные дни! Потом учеба – ни тетрадей, ни чернил. Писали на клочках, а чернила разводили из сажи – наскребут в печке сажи и наводят чернила. О красках и понятия не имели.

Потом Женя рассказала о матери – худенькой женщине, вечной труженице, любящей, горячо любящей своего старшего сына. Мать думала, наверное, что младшие дети не видели и не замечали, как она обделяет их, но от детских зорких глаз ничего не укрывалось. Мать сама себя вечно обделяла – и в результате рак желудка... Умирала долго и мучительно, но женщина, привыкшая в жизни только ТЕРПЕТЬ, стойчески переносила и свою болезнь, не жалуясь, не мучая родных.

Отец умер от паралича, и за ним долго пришлось ходить, тяжело было. Это тоже великий труженик – вечно «домивший дом» – эта страсть его и погубила. Живет человек и как он любит до самозабвения вить свое гнездо, таскать в него «по соломинке», и так до старости, забывая о том, что иногда надо побереечь свои силы. У Жени четверо сестер и один брат, можно позавидовать. И с какой болью я в эту ночь вспомнила о Руфе. Жить бы ей да жить! Нет сестры. Давно нет – тоскливо и горестно!

* * *

Воскресенье. К Жене приехала сестра. Она выше Жени, солиднее. У ней белокурые волосы и доброе лицо. Глаза немножечко косят, но это не портит лицо; освещенное теплой улыбкой оно располагает и вызывает чувство симпатии. Сестра и на чувства щедрее – это как-то чувствуется.

Она погостила до вечера и ночевать уехала домой. У неё болен муж, и как там без нее дети? Чувствовалось, что это хорошая мать. Прощаясь, она мне сказала: «Спасибо за Женю! Я рада, что она не одна».

20.X.1969 г.

Дни скользят один за другим. А что интересного? Пусто! И погода изменилась. Нагнал ветер свинцовые тучи, легли они на плечи Аи-Петри и стало холодно, неуютно. Сколько дней продлится такая погода? Я все-таки днем решила погулять по парку. К морю сегодня никто не идет – оно неласковое.

Сидела в парке и ко мне подошел один из отдыхающих «Днепра» – такой живой, говорливый человек. Говорит и говорит, да всё по-хохлацки – будто и русского не знает. Я заинтересовалась, кто же он такой? «Истинный, прирожденный хохляк, и мату хохлушка, и отец тоже» – это он сказал по-своему. Но потом оказалось, что и русский он знает в совершенстве, только утверждал, что украинский язык мягче, певучее, как «та писня, что дивчины в венки сплетали». Я заинтересо-

валась, где он работает. Он сразу сказал, что главным редактором по выпуску учебников для высшей школы – университетов и институтов. Пожаловался, что работа напряженная, требует внимания, сосредоточенности и «крепкой головы». Он много шутил и острил и, глядя на меня, все повторял: – Ой, очи – какие ж! – Я не понимала, что это за слово. Он сказал, что это синие-синие цветочки – василечки. Пока мы разговаривали, полил дождь. Побежали прятаться, долго стояли под крышей, а дождь лил, поливал. Лил, поливал. Видно, целый день солнца не видать. К обеду чуть проглянуло солнце, но было такое холодное.

Вечером никуда не ходила. Сидели вдвоем с Женей. Вдруг звонок. Открываю дверь, перед мной мужчина в каком-то забавном котелке. Спросив: – Дома ли Женя? – бесцеремонно прошел в комнату. Видно было, что себя он здесь чувствовал своим человеком. Вытащив из кармана две бутылки и сняв плащ, он с какой-то игривостью и вызовом вдруг спрашивает: – «Штаны тоже снимать?» – Меня удивил этот тон. Женя так это смущенно и с упреком сказала:

– Петр Михайлович, что вы говорите?!?

– Шучу, шучу, Женечка!

Спросив, как ее дела, самочувствие, он вдруг заявил:

– Пришел свататься! Ну, чем не жених? Серьезно, Женя! Подумай! Он стал перечислять свои достоинства – и стирать он умеет, и стирать умеет, и вообще незаменимый хозяин. Выходи только Женя за него замуж – будет носить на руках. И заживем мы с тобой, Женечка! – повторял он. Ну, чем он не жених?

– А пузо свое куда денете, Петр Михайлович? – шутила Женя.

– Пузо? А оно, что, мешает? Разве в пузе дело, Женя?!? Ну, скажи, чего ты еще думаешь? Чего? Сколько тебе? Что, девочка? А какой же смысл оставаться старой девой? Что может быть неприятнее? Скучнее? Что-о? Ты считаешь, что я стар для тебя? Да я тебя переживу. На сколько я тебя старше? На тринадцать лет? Да это пустяки! Квартира у нас с тобой есть. Получаю я пенсию, плюс оклад – это почти двести. Мало? У меня еще на книжке 30 тысяч.

– Новыми? – живо подхватила Женя.

– Это неважно! Главное, деньги есть!

– Нет, не хочу за Вас замуж, – сказала Женя, смеясь. – Пусть хоть сколько у Вас денег будет. Мне кажется, что очень скупой... Скрыга...

– Ну, знаешь ли, не скупее тебя! – парировал Петр Михайлович.

– Не скупее? Вот дадите денег в магазин и будете учитывать все копейки.

– Без этого нельзя. На то и жизнь, чтоб считать. А разве это уж так плохо? Заведем с тобой хорошую обстановку. Тебя я знаю, и немало уже знаю. Чем не идеальная пара?

Женя смеялась.

– Ну, и пара? Смеяться некому!

- Ох, Женечка, а что у нас за любовь была? Какая любовь?! Забыла?
- Не было никакой любви, Петр Михайлович. Просто была сделка.
- Ну, это ты напрасно!

Словом, в таком духе разговор продолжался довольно долго. Женя парировала, шутила и даже дерзила или предлагала ему других невест. Что меня удивило в этом разговоре? То, что Петр Михалыч – врач, и он бахвалился своим образованием, своим умением. И такой он заслуженный и знающий работник, а вот о людях он говорил плохо – недоброжелательно. В разговоре он все время допускал вольности, которые резали слух, и даже Женя его несколько раз останавливала.

– Нет, давай, Женечка, выпьем за нашу любовь! Ах, какая бы мы были идеальная пара!

Вино, которое он принес, разило какой-то кислой брагой – этот самодельный напиток. Когда он разлил его в фужеры, в комнате поднялось такое зловоние.

– Это же настоящий эликсир, Женечка! – твердил он. – Шампанское! – Женечка глотнула этого шампанского и с отвращением поставила бокал на стол.

А вторую бутылку заставила жениха взять с собой. И к моему великому удивлению – он спокойно поставил ее в карман, когда уходил.

После его ухода мы долго смеялись – «Ну и жених!»

Да, было в этом человеке что-то бабье, отталкивающее – противное и голос какой-то бабий, и страшный живот, будто привязан бочонок с пивом.

– А чем, Женечка, не жених?! – спрашивала и восклицала я.

– Ну, что Вы, Зинаида Ивановна! Да лучше головой в петлю, чем за такого идти. Нет, я предпочитаю старой девой остаться. Это меня больше устраивает! – смеялась Женя.

Этот жених спокойно рассказывал о своих «Дуньках» и о том, что начальник санатория ему просто приказывает жениться. А что ему делать, если самая подходящая невеста дает ему отказ?

Что меня удивило в этой встрече? Что-то было кукольное, несерьезное, будто разыгрывалась смешная пьеса, водевиль. И жених – сплошная бутафория, «легковесный», порхающий мотылек, и голос бабий, и язык бабий, без царька в голове, а лицо – к удивлению – и мужественное, и даже красивое, что-то двойственное в человеке.

* * *

На доске висело объявление – в библиотеке со своими стихами выступает подполковник Петренко. Меня заинтересовало и я решила идти. Инженером, подполковником оказалась женщина, довольно пожилая, видимо, в отставке.

В этой женщине не было ничего «воинственного» – белокурые, слегка поседевшие волосы, мягкое женское лицо, скромное платье. Она вначале сказала, что стихи начала писать, когда вышла в отставку, появилось больше свободного времени и захотелось как-то рассказать о своих переживаниях и чувствах, как-то выразить свое «я». С ней не было никаких записок и это немного удивило – сколько же она прочитает стихотворений?

Сначала она прочитала стихотворение тем, кто уходит на заслуженный отдых. Мне очень понравилось стихотворение «Женщина в погонах»: «Не умеют женщины в погонах под руку с мужчинами ходить...» Но до слез разволновало стихотворение «Белое платье». И ей было пошито белое платье, но не пришлось его носить и красоваться в нем – война, и вот это платье как воспоминание о юности, о счастье... И вот уже дочка подросла – бери это платье матери – это символ не только юности, но и чести, и чистоты.

Трогательно стихотворение «Последнее письмо». Сколько их приходило с фронта треугольничков со штемпелями полевой почты? Старик, как святыню, бережет этот пожелтевший треугольник от сына-фронтовика – это последнее письмо.

Рис. З.И. Таруниной от 20/X.1969 г.

Да, каждое стихотворение – и «Финляндия», и «Ветераны комсомола», и «Прощай, шинель», и «В лесу горят костры», и «Таджикский чабан», и «Прислонись ко мне, девочка», «Круг и спираль», «Скорость», и «Остров Даманск» – все по-своему хороши!

Слушать было легко и читала женщина свои стихи с большим чувством.

В заключение она сказала, что она детдомовская. Мальчишка беспризорник, гражданская война и первые послевоенные годы... Попала в детдом – это и было счастьем! Этим дням у ней тоже посвящено несколько стихов: «В Москве зима», «Исхудалый оборванец», «1920 год» – и эти стихи трогают.

* * *

Что у нас за отношения с Николаем Константиновичем (Н.К.)? Я так начинаю тосковать о нем, и хочется о чем-нибудь говорить-говорить, а он весь переполнен только «чувствами». Разрядиться бы от этого торможения. И что получается? Не знаю, что он за человек?! Иногда мне кажется – такой хороший, такой мягкий – и в то же время есть что-то в нем такое, что отталкивает – будто хитрый и коварный враг. Или мы станем хорошими друзьями или врагами – чувствует мое сердце! И, может быть, поэтому я стремлюсь все время убеждать-убеждать от него. Только это бегство – приближение к нему!

А тут еще этот «герой». Нет, почему я поставила в ковычки? Это настоящий Герой Советского Союза. И какая у него трудная жизнь! Да, героизм даром не дается, сколько у него на голове пробоин, да и тело в ранах, как он говорит. И семья потеряна! Покушение было на него, но только случайность задержала его на берегу, и он остался жив, а ребенок, жена утонули – печально!

Здесь столько Героев – и у каждого своя судьба, и, должно быть, не легкая. Леонид Евдокимович искренне и так просто рассказал о своей жизни, о том, как полюбил первый раз, как женился. Обо всем рассказал – это трудная и необычная судьба. А что дальше – после ужасной трагедии? Что дальше? А дальше – это создание новой семьи, рождение одного сына и глубокое желание иметь несколько детей.

С Леонидом Евдокимовичем очень трудно разговаривать, он плохо слышит, но человек интересный и своеобразный!

С ним я разговариваю, и все думаю о Николае Константиновиче?!? – Будто он сидит у меня где-то «в печонках», и не дает мне покою – какая-то злая судьба, а ведь он хороший!

Я так думаю. Ошибаюсь? Возможно!

7.XI.69

Было так легко и хорошо – был предпраздничный день, и я будто сама не своя, такая стала шальная и бесшабашная. И вот расплата – ТОСКА, ТОСКА, ОТЧАЯНИЕ. Праздник – большой праздник, а у меня вся душа исходит болью, такой болью, какой я еще не испытывала здесь! За что? Почему?

За что? И почему?

Иду на танцы, может все выяснится, увижу и будет также хорошо, как накануне. Иду через этот темный лес, вот, вот окликнет знакомый голос. Темнота так и сжимает сердце, и боль, и тоска! Пробегаю эту «темень», и вот свет – смотрю на скамейку – никого нет!

Что-то не так! Что-то не то! Обидеть? За что?

Иду и думаю – За что? За что? Все во мне плачет! И душа и сердце!!!

И вдруг оклик: – «Зинаида Ивановна, это Вы!» – и радостный, и взволнованный – это Леонид Евдокимович (Л.Е.). Он бережно подхватывает меня под руку и взволнованно расспрашивает: – «Что с Вами? Куда вы исчезли? Почему не пришли на концерт? Почему не появляюсь на море?» Мне хочется ему рассказать о своей боли, тоске, такой отчаянной! Но я умалчиваю о своих переживаниях – что я наделала! Кому об этом рассказать? И почему так больно! Но праздник, и я поздравляю Леонида Евдокимовича с праздником!

– Идемте на танцы! Я хочу с Вами танцевать! – твердит он. – Идемте, идемте!

Танцевать? Кажется, я сегодня только и делаю, что ТАНЦУЮ – танцюю ОТЧАЯНИЕ, ОДИНОЧЕСТВО! ТОСКУ – СТРАШНУЮ!

На площадке кружится счастливая-пресчастливая Юля, – и все за ней ухаживают, все ее приглашают танцевать, у неё сияющее лицо. «А вчера я целый вечер плакала!» – заявляет она, присев около меня. «А я сегодня, Юлечка, плачу!» – хотелось мне сказать, но я делала улыбку и не выдавала своих тайных мыслей. Если бы знала она, КАКОЙ ГРУЗ ТОСКИ Я НЕСУ!

Со мной говорит Леонид Евдокимович, а я не слушаю его. Вот сидит человек рядом, такой внимательный, да еще Герой Советского Союза, а я только думаю: «Где тот? Что с ним?» – и до чего сложны человеческие отношения! Как радость сменяется грустью-отчаянием!

Танцуют, танцуют, у всех сияющие лица, я смотрю через свои страшные роговые очки, через них я хочу увидеть ТОГО, КТО мне нужен.

– Идемте танцевать! – твердит Л.Е. – А мне никого не хочется слушать. Никого! Домой, домой! «Я не могу Вас не проводить!?» – и опять галантно берет меня под руку, а я чужая, не слышу, и не вижу. Он это чувствует и удивленно спрашивает: – «Что такое с Вами? Я Вас не узнаю!» А я разве сама себя узнаю?!?

Я не разрешила ему провожать себя до дому – зачем? Одной не легче, но с кем разделить свою боль? И кому она нужна? Кому нужна моя боль?

Беру Тонечкино письмо – жалуется, что ее не понимают дети, а кого понимают дети?!? Вот он праздник!

Боли бывают разные, но когда тебе эту боль причиняют родные дети, эта боль кажется особенно горючей и едкой, будто изнутри тебя кто-то разъедает, Зачем жил? На кого тратил лучшие силы души?! И до слез обидно и горько!

У каждого человека есть семья, и какая бы она ни была, это была надежная пристань! Когда нет семьи, кидает тебя, как щепку, в людской пучине. И холодно тебе!

*

А как же век свой доживать? – Где найти успокоение и радость?! Во внуках? Едва ли? У детей своя жизнь, у внуков тем более.

*

Кто отравил мне праздник? Кто? А может я сама? Вот в человеческой речи есть слова, которыми мы иногда пользуемся свободно, не задумываясь, а они-то нам и причиняют больше всех неприятностей.

*

Но стоит ли из-за этого переживать? Трагедий было много, посчитай, что это одна из комедий, где главное действующее лицо ты – и только ты создала эти нелепые ситуации. Кого винить?

Солнце вставало веселое, и будто яркое. А потом опять набежали облака, и море посерело. Оно уже теперь неласковое, нещедрое, а глухо бьет у берегов с какой-то однообразной ритмичностью.

*

Почему человек всегда жаждет ласки? Понимания? И когда сама жизнь подарит тебе таких несколько счастливых минут, ты сожмешься в клубок, как ершистый еж – и колешься своими иголками. Своя самооборона, а может было бы лучше раскрыться и принять по-человечески эту ласку, тепло...

*

Когда успокоится сердце и совсем не будет болеть? Но ведь это смерть!

*

Горечь утрат не проходила, не забывается многое, живет? И даже время бессильно вычеркнуть многие боли, они только притупляются.

*

Море, море! Скажи мне, что я отсюда увожу? Что оставляю? А ведь было так иногда хорошо! Так хорошо! И даже скардность души проходила, становишься щедрее, отзывчивее. Это море обновляет чувства.

Он читает книгу «Да, сгинет день!» И я хотела бы, как заклинание твердить «Да, сгинет день – вчерашний день!» Но он прошел, а вот горечь не прошла, живет! Сердце сжалось в какой-то комочек, так трудно дышать! Это на море-то! Вот это и удивительно.

Я на море!! Волна бьет и бьет о берег! Еще два дня и меня здесь не будет. И пусть остаются все мои горечи с теми, кого я покину. Но возможно ли такое?

*

Бесконечная даль... Даль без конца и без края... Кто мы? И что мы? Частицы – маленькие – этого безбрежного мира.

Быть бы мне рыбкой... Быть бы мне чайкой... А может у них свои сложности! Своя мудрость и своя мораль. Я какими-то путями вспомнила наши отношения с Колей. Кручу клубок в обратную сторону, и вот тут уже сама себе беспощадный прокурор.

Когда я научусь беречь и ценить чужие чувства?! – вот где и разгадка?!

*

Ах, как я раньше любила эти утренние часы сидеть на море – было так тепло, а сейчас мороз пробирает – холодно! А вот теперь я увидела караван птиц, летящих над морем, и не треугольником, а длинной, длинной цепочкой. Так интересно!

Ходят катера, но так редко. И их качает как зыбки – по волнам, по волнам.

Море, море! Как я о тебе буду скучать и как мне будет тебя не хватать, там среди суровой зимы, а вот сейчас бы с радостью оказалась в своей комнатке и со своими внучками – пусть бы около меня лепетали!

Сентябрь 1969 г.

Зинаида Ивановна с внучками Леной – Алёной и Инной Горбушиными

Когда поют скрипки? Когда? – А на море часто звучит музыка – это катера с отдыхающими. Не уехать ли в шумную Ялту?

Я не уехала, я не ушла, я лежала у моря и страдала. И вдруг явился тот, кто причинил мне боль, и будто не случилось ничего, будто он не был перед мной виноват. Ласково поздоровался, затем на мои взволнованные вопросы тихо прочитал:

Чудеса из чудес

Приливы-отливы!

Море вдаль откатилось лениво,

А ты,

Как растенье морское под ласкою ветра,

На прибрежном песке погрузилась в мечты.

Чудеса из чудес. Приливы, отливы.

Море синее вдаль откатилось лениво,

Но осталось в глазах приоткрытых твоих

Две волны. Их море тебе подарило.

Чудеса из чудес

Приливы, отливы!

Две волны осталось в глазах твоих,

Чтобы я утонул, погружаясь в них.

– Это что, ответ на мои вопросы? – сказала я, делая вид, что я даже не вслушивалась в ритм стиха.

– И да, и нет! – с какой-то грустью сказал он – И вопросы ни к чему, и тем более не нужны ответы на них. Когда мы причиняем боль – не чувствуем, когда нам причинили – почувствовали! Потеряно много хороших дней и вечеров, и один из этих потерянных ничего не значит... И он даже не окупит сотой доли из тех множества часов ожиданий...

– Ах, так это расплата!?!- сказала я, сдерживая гнев и боль.

– Нет, и это не то... А почему Вы не слушали стихи? Вы же их любите! Я старался – не написать стихотворение – оно не мое, а запомнить.

– Меня не интересуют стихи...

– Этому я не поверю... Ну, давайте будем правдивы! Намеренно хотел причинить Вам боль. Это Вас устраивает?

– Да. И спасибо!

– Тогда и я должен сказать Вам спасибо за множество вечеров ожидания.

Мы замолчали, и каждый, видимо, думал о своем. А море плескалось, плескалось! – И даже в этом молчании был свой смысл, так было хорошо вдвоем, будто все встало на свое место.

Но есть что-то в человеке такое, что сильнее его разума, воли. И этот человек вдруг поведет себя так, что даже удивит себя самого. Со мной часто бывают такие чудеса! В душе я не могла простить того одиночества, тех долгих часов ожиданий и обрекла себя еще на большее одиночество.

Вечером... – это мог быть один из лучших наших вечеров – я не вышла на свидание, хотя знала, видела, как он ждал меня. Вот так! Пусть будет испорчен и этот вечер!

Я ушла с Леонидом Евдокимовичем (Л.Е.). – Ушла! И он видел это. Пусть! Пусть – видел! Л.Е. все делал, чтоб меня развлекать – был внимателен, словоохотлив, любезен – ТОЛЬКО Я ГЛУХАЯ И СЛЕПАЯ!

Я не видела Николая Константиновича на второй день, я не вышла из дому. Приехала Женя – это было так радостно, наконец, я свободна и могу мчаться домой. «Домой, домой!» – все подчинено этой мысли. Больше ничего и никого не существует! Это я потом задам себе вопрос «а есть ли у меня дом?», но пока я вся переполнена тем, что я еду домой! И в Москве – только дума о доме – скорей, скорей – и вот я дома! Встречает меня Володя и Иннушка. Девочка так вытянулась, под глазами темные круги. И такое взрослое выражение: – «Бабушка, почему ты так долго ездила?» – спрашивает она и тут же делает вывод: – «Без тебя же было плохо нам! Ты больше так не будешь уезжать?»

* * *

Оказалось, что, действительно, без бабушки было плохо. Дочь Ольга легла в больницу, Леночку увезли в Лесную школу, а Володя стонет, что ему приходится печи топить. Пришла домой – холодно и неудобно! Сегодня еще было не топлено. Затопили! Мне не писали, чтоб не волновать меня. Будто молчание – это ПОКОЙ для старых людей!

Первые дни жизни дома – это встречи с друзьями и родными. Приходила домой два раза Оля, я ездила к Леночке, встречалась с Изабеллой Исаковной и Софьей Павловной – так и пролетела неделя!

* * *

Пролетела целая неделя, и будто не было моря, не было солнца, фиолетовых гор, не было цветов и тех особых чувств, к тому далекому и в то же время близкому человеку, умеющему так тебя понимать и слушать! И, наверное, все прошедшее скоро будет казаться только сном, таким хорошим и непродолжительным. И чем дальше в прошлое отодвинется, тем яснее обозначатся дали. И, к сожалению, нельзя вернуть ни одного вечера, ни одной встречи. Было, прошло! Было!.. Даже в этом есть своеобразная радость, есть о ком думать и даже тосковать!

* * *

И память один за одним возвращает эпизоды из прошлого. А все-таки, когда думаешь об этом прошлом, больше всего упреков в свой адрес: и всю-то ты жизнь ОБКРАДЫВАЛА себя! Не умела быть ЩЕДРОЙ ни в своих чувствах, ни в своих желаниях, а ЩЕДРОСТЬ – ЭТО ТОЖЕ ВЕЛИКИЙ ДАР!

*

От него я всегда убегала! Зачем? Зачем? Теперь я много и часто думаю о нем! Так не хватает этого тепла, внимания! Никто не придет, никто не расскажет мне о разведчике Зорге, о княжне Потоцкой, о Крещатике, о Киеве, о том, что пишет «Комсомольская правда». А ведь в этом была СВОЯ ПРЕЛЕСТЬ! Выслушать и – даже не запомнить! Но просто приятно, когда кто-то СТРЕМИТСЯ ОБОГАТИТЬ ТЕБЯ ПОЗНАНИЯМИ.

*

Дом мертвый – без внучек, без Леночки, без Иннушки, поэтому тоска становится обостренной. Вечером приходит Володя – до тошноты скучный он человек! И какой-то плоский. «Хороший муж» – для дочери, клад, но это далеко от понятия хороший человек! С таким бы я умерла от тоски. Его наивность и суждения, его недалекость всегда меня раздражали – страшное убожество!

*

«Уступи место завтрашнему дню» – пьеса Дельмара. Постановка Пермского театра. Я шла, думая отдохнуть в театре, отвлечься от печальных мыслей, но попала на спектакль, который погружает в страшную трагедию человеческих отношений. Замечательная пара – старики Куперы – прожили они вместе пятьдесят лет, любя и понимая друг друга. У них пятеро взрослых детей, старшему Джорджу уже сорок шесть лет. У каждого из них уже есть свои дети. И вот в этот «счастливый» дом стариков съезжаются любимые дети. Мать, как всегда, хлопочет, печет их любимые пироги. Так все счастливы, что все опять вместе, но эта «розовая семейная идиллия благополучия» разбивается при первом же испытании. Старый дом стариков заложен и они обращаются к детям – пусть каждый из них даст десятку, чтоб снять маленькую комнатку – много ли старикам нужно? И вот тут-то и раскрывается истинное отношение детей к родителям – у них нет денег. Но в доме жить нельзя – куда стариков? Ни один сын, ни одна дочь не желают брать обоих вместе. Зачем брать на себя такую обузу? Наконец, решено, что мать пока поживет у старшего сына, а отец у дочери. И вот тут во всей обнаженной правдивости раскрывается звериное лицо детей. Добрая, милая старушка в доме своего сына чувствует себя так неуютно, а невестка Нелли при всяком удобном случае настраивает своего мужа против матери (такая стерва – очень похожа на мою «чудесную Лилечку»). Потаскушка,

гуляка дочь попадает в автомобильную катастрофу – виновата бабушка – девочка не может со своими любовниками встречаться дома. Невестка всеми силами хлопочет, чтобы сын отправил мать в дом престарелых, там так уютно и удобно! Не лучше живется и старику Барку у самодурки дочери. Он скучает о Люси – жизнь одинокая и безрадостная, и когда они будут вместе? Но выхода нет – никто из пяти лбов не желает взять к себе стариков. Они для всех обуза, страшная обуза! Пьеса слишком современна! Вот такие они, нынешние сыновья и дочери, только бы им, только бы для них! Смотришь спектакль, и невольная слеза застилает глаза, разве не это же тебя ждет в глубокой старости? Сейчас ты нужна, очень нужна, кто будет топить печи, мыть пол и даже готовить?!!

*

И твои хваленые дети полны эгоизма – разве это уже не проверено?! Не испытано?!?

*

А невестка? Тоже хорошее чудовище! Если она не выпускает еще когти против меня со всюю своей хищностью, так только потому, что я не живу с ней и ни в чем ее не стесняю, а если б пришлось жить с ней?!!

У этого зверька острые коготки!

Спектакль потрясает! До глубины души! И в самом деле, старость – это и ОДИНОЧЕСТВО, и НЕПРИКАЯННОСТЬ. И какое счастье, что в наших условиях СТАРОСТЬ более или менее у большинства обеспечена – ПЕНСИЯ И КВАРТИРА ДАЮТ КАКОЕ-ТО ПРАВО НА НЕЗАВИСИМОСТЬ!

Я СЧАСТЛИВА ЭТОЙ НЕЗАВИСИМОСТЬЮ!

*

Теперь я часто вспоминаю море, солнце, стихи, и так становится от этого тепло! Надо же как-то чувствовать вкус жизни! Нельзя же всецело погрязнуть в рутине этого молчания и домашних дел. Их так много! Никогда не переделаешь! А печи надо топить каждый день, для этого они так ждали тебя! Печи – их надо топить, иначе они остывают! Почему же я не нашла дров для тех чувств?! Он-то таскал дрова целыми охапками, поэтому я так его помню. И помню, как он читал:

Море синее вдаль откатилось лениво...

Две волны остались в глазах твоих,

Чтобы я утонул, погружаясь в них...

И он сказал – эти стихи написал Превьер, Жак Превьер. Это интересный поэт. Француз... Его стихи переведены на русский. Советую Вам почитать!

«Советую!» Он всегда мне советовал. Он всегда перед мной открывал страницу нового. Его чувство было активно! Он ушел собирать дрова, потом поджог их. Его нет, а дрова горят и греют. Я найду стихи Жака Превьера и непременно прочитаю их!

* * *

«Вылезает из берлоги вечер, как лохматый заспанный медведь» – и так каждый вечер, и так он рано наступает, небо серенькое низко-низко висит над землей, слякотно, холодно, а у меня в душе еще светит южное солнышко. Я часто слышу плеск моря и снятся мне белые хризантемы, такие свежие, хрустящие – ослепительной белизны, нежные. И здесь... и там – и земля, и небо! Что ж? И прелестей юга не оценишь, если всегда видеть то высокое небо и безграничное море. Я замечала – местные жители слепы и глухи, их ничего не трогает и не волнует, и я им не завидую... Но наша серенькая природа – не щедрая и не богатая – тоже бывает по-своему хороша и имеет свои прелести. Особенно теперь хорошо в лесу, в нашей Парковой зоне.

Снег идет, как заправский романтик,
Все снежинки стерильно чисты,
В белизну горностаевых мантий
Облачаются даже кусты.
А зима расстояний не меря,
Всю природу берет под контроль.
А сама, как на светлой премьере,
Исполняет ведущую роль.

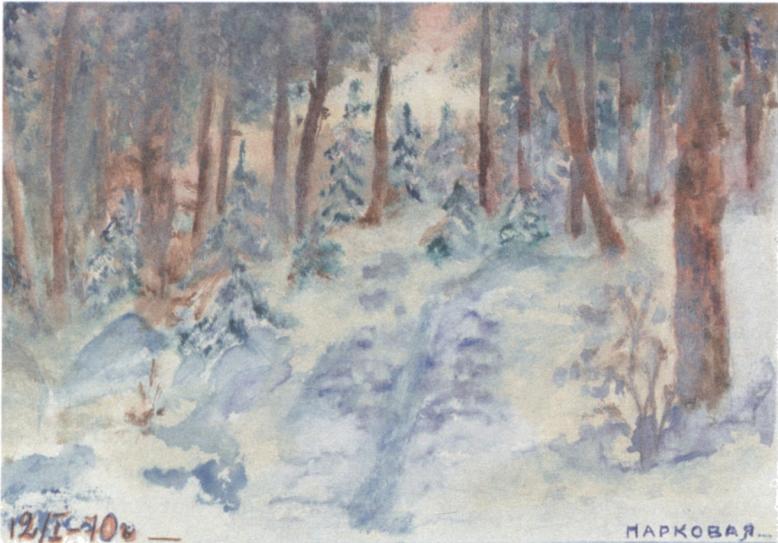

Рис. 3.И. Таруниной

Мы гуляем с Инночкой. Сотни вопросов: – «А почему так?» – мир для нее еще полон загадочного, и она с такой забавной непосредственностью вдруг заявляет: «А я не хочу умирать!» – умирают цветы, травы – а зачем же умирать такой хорошей девочке, и почему ей так часто приходит мысль о смерти? Просто непостижимо! Даже мне хочется прочитать такую молитву:

Отче наш сущий на небесах,
Оставайся на небе,
А я останусь на земле,
Которая иногда бывает
Такой прекрасной...

Бывает – и часто! Небо низенькое, вздутое синевой, а в лесу такая свежесть, тишина! И на сердце тишина и тихая радость! А где-то все-таки плещет и плещет море.

Рис. Лес зимой

* * *

Я тоскую. Ну и что ж? Разве это плохо? Так день за днем воскресает, и вспоминаются разговоры, то, чему не придавал значения, приобретает новый смысл... Это чудесно, когда есть о ком и о чем подумать – душа не пуста – и великолепно! Прочитала и книгу «Марко Вовчик» – чудесная книга и, конечно, многое раскрылось из той богатой событиями жизни, чего я не знала. Марко Вовчик! Ни книг ее не читала, и ничего о ней не слыхала. «А еще литератор!» – в этом упрек и удивление. Как можно было о ней не знать? Но кто мог о ней рассказать? Где? В каком учебнике упоминалось ее имя? Нигде! Даже то, что ее судьба, ее жизнь были связаны с Писаревым – нигде ни слова. И то, что Некрасовские строки «Не рыдай так безумно над ним», посвящены Марко Вовчик, кто знал? И что трагедия произошла на Рижском взморье, и что, может быть, в самый счастливый период его жизни – я не знала и не подозревала. Ведь он так мечтал быть вместе с Марией Александровной, и сколько клеветы и наветов выпало на долю этой женщины!! Кажется никогда не оправиться после такой трагедии, но какая сильная женщина! – снова в строй. «Марко Вовчик – сатирик гоголевской школы и салтыковского направления» – с какими гигантами стоит в одном ряду!

* * *

А все-таки какая «пестрая» жизнь – это вторая Жорж Санд – Марко Вовчик, Пасек, Кулиш, Писарев, и наконец – красавец Лобач Журченко. Поистине: – «Вид себе не втечеш» («От себя не уйдешь»), а еще Бенни, да и Тургенев испытал огромные симпатии к этой женщине. У Полины Виардо были все основания относиться настороженно к этой женщине.

* * *

Забавно! Сколько раз ты с шуткой повторял:

«Да вже третій вечір яку дивчину бачив;

Хожу коло хаты – її не видати».

Забавно звучало, потому что эта «хата» четырехэтажный стоквартирный дом – и попробуй разыскать там «требуемую» дивчину. Что в дремучем лесу, если не знаешь ее квартиры. Можно было и месяц проходить, и не увидеть! Хоть на тысячу ладов повторяй:

Світе мій!

Моя ти зоренько святая!

Світи на мене і огрій,

І оживи мое побите,

Убоге серце неукрите.

Ах, этот украинский – он звучит так напевно, будто это детские шутки, и я никак не могла воспринимать сказанное серьезно, да и многого не понимала! Может быть, это и лучше! Мы говорили на разных языках! А теперь я иногда очень тоскую об этой ласковой, журчащей речи, в ней была своя прелесть, не только звуков, но и тепла, а это так дорого, когда ты одинок, и я тоскую, тоскую... И ты не знаешь об этом, и никогда не узнаешь! В этом, видимо, тоже есть своя прелесть – тосковать и скучать, главное ты оставил многое во мне, что-то живое, веселое, горячее... И оно согревает!

«Як не знать?» – такой вопрос часто задавался с удивлением. А я многого не знала! Да и никогда не соприкасалась с культурой Украины – это сугубо особенное. Если бы могли знать все!!! Из книги «Марко Вовчик» я почерпнула так много интересного из жизни знакомых мне писателей и художников!

Вот, например, я не знала, что дочь Герцена Ольга жила до 1953 г. и умерла в возрасте 103 года... Это значит, что прожила две жизни и была нашей современницей. Это было бы интересно рассказать на уроке, когда речь шла о Герцене.

* * *

Или уделить особое внимание картине Валерия Якоби «Привал арестантов». Якоби был близок к революционным кругам Петербурга. Рассказать о его любви к красавице Александре Николаевне, бежавшей с ним из Казани от нелюбимого старого мужа и что женщина – на переднем плане картины – женщина, кормящая грудью младенца, и есть Александра Николаевна. Какой бы интерес вызвала эта картина! Что картина «Острижение каторжного в тюрьме» написана тоже Якоби, хотя долгое время не знали, кто ее автор. Это и своеобразный портрет ПОЭТА – революционера Михайлова, сделанный в Петербургской крепости.

На глазах у Марии Александровны (Вовчик) в Париже Якоби писал картину «Смерть Робеспьера» – в каталоге «Умеренные и террористы». И как голодал этот художник, и в горькие дни пришлось расстаться с золотой медалью, полученной от академии художеств за картину «Привал арестантов».

Тесная дружба между семьей писательницы и художника. В знак признательности Марии Александровне подарена картина с сына – Богдана – «Возвращение с рыбной ловли». Сколько раз Якоби записывал в дневнике: «Маркович самая лучшая, добрая, милая из всех».

* * *

Сколько раз можно было любить так самоотверженно, беззаветно, глубоко? И Пасек, и Писарев? И это из самых глубин СЕРДЦА И ДУШИ! Вот, на-

верное, это и были глубинные родники, питавшие творчество этой женщины. Немало для нее сделал и Маркович – пробудил! А в конце концов чужие, далекие – и так бывает!

* * *

Счастлива та женщина – тройне счастлива, когда любящий мужчина ей может сказать: – «Люби меня, а уж я тебя так люблю и еще так буду любить, что тебе, конечно, не будет холодно и ТОСКЛИВО жить на свете. Милая, как мы с тобой можем весело работать и умно наслаждаться». Это лучшая из лучших симфоний человеческого счастья – весело работать и умно наслаждаться!

Но как счастье недолговечно! «Франкфурт-на-Майне – сказочные дни» и «свинцовый гроб». Есть ли утешение в Некрасовских стихах?

«Не рыдай так безумно над ним,
Хорошо умереть молодым!
Беспощадная пошлость ни тени
Положить не успела на нем,
Становись перед ним на колени,
Украшай его кудри венком!
Перед ним преклониться не стыдно,
Вспомни, сколько пали в борьбе!
Сколько раз уже было тебе
За великое имя обидно!
А теперь его слава прочна:
Под холодную крышею гроба
На нее не наложит пятна
Ни ошибка, ни случай, ни злоба...
Русский гений издавна венчает
Тех, которые мало живут,
О которых народ замечает:
«У счастливого недруги мрут,
У несчастного друг умирает».

Эти стихи для меня как-то наполнились огромным смыслом, и хочется их читать и повторять! И почему эта женщина не осталась верна памяти этого человека? Тому огромному чувству, которое он пробудил? И неужели Лобач-Журченко мог заполнить то огромное, что было утрачено? Нет, не поверю – это просто «тихая пристань» от всех житейских бурь – женщине так иногда необходимо куда-то или к кому-то прислонить голову, опереться на чье-то плечо – ведь она чаще всего так ОДИНОКА!

«Тихая пристань» – не каждый ее обретает. Иногда так холодно жить на свете, что и пережила Мария Александровна в северной Пальмире. Нальчик – последний дом, там и музей!

Расстаться с книгой Брандис «Марко Вовчик» – и грустно, и радостно: с какими людьми я соприкасалась! И теперь я не открою широко глаза: «А кто такая Марко Вовчик?» Но произведений ее я не знала и не знаю – многого человек не знает!

* * *

Когда сидишь в комнате с хорошей книгой, мир предстает такой разнообразной сущностью в своей красоте и ты часто думаешь о том, что почему ты не оставишь частицу того, что жило в тебе, как откровение, как познание и как даже вдохновение – и мыслей, и образов. Почему все это не вылилось в книгу? В чем причина? Не хватило таланта? Наверное, другое – отсутствовала целенаправленность! А чаще всего уходил в мир повседневных забот. Домашняя рутина так выматывает силы. Вот и теперь, сколько надо сделать по дому! И кто будет этим заниматься, кроме тебя?!!

* * *

Воскресенье, были с Инночкой у Красильниковых – какое-то благодушие и доброжелательность – это просто непостижимо! Кажется больше их не раздражает мой сын. Он, конечно, умён – этого нельзя не отметить, и это говорит Лидия Ивановна. Что делают деньги?!! Конечно, теперь мой сын кандидат и он получает зарплату не рядового инженера и семья это чувствует! И как же не быть более внимательным к матери такого сына?!! Да, матери учат, воспитывают своих сыновей для чужих! Такова участь всех матерей! Для моего сына – это его семья, его родной дом, для меня это чужие – чужие и далёкие люди. Я не люблю их и никогда не привыкну к мысли, что это мои близкие – нет, это мои враги – и не больше! Во всяком случае – это не друзья! Всё в этом мире обладает своей сложностью.

*

Когда взрослеют дети, когда они становятся сами отцами и матерями, они ещё не приобретают того великого понимания, которое бы роднило их ещё больше с матерью, а чаще всего даже утрачивается та теплота, которая была такой прочной и связующей в дни их детства и даже юности. Теперь они взрослые – зачем им мать?!! Они сами – мать и отец – и они счастливы этим новым, что посылает им жизнь. Свои заботы и новые обязанности вытесняют те прежние, и это так обычно, буднично и незаметно происходит, что никто и не считает это трагедией. Это только трагедия для матери, ибо теперь-то она, как никогда начинает чувствовать своё одиночество, свою тоску и по сыновьей ласке, и по сыновьяму вниманию, а его нет. У сына свой мир, свои радости! И так всегда!

Старикам много времени остается для раздумий! И в этом тоже трагедия, ибо чаще всего горькие мысли одолевают и от беспомощности, и от болезней, и от одиночества. Пока ты молод, пока ты работаешь, пока до краёв заполнен твой день, не ранит невнимание даже самых близких и дорогих людей – об этом просто не думаешь – некогда! А когда наступает старость, вот тут-то и начинается психологическая мельница работать! И всё-то тебе больно! Не написал письма – больно! Во-время не поздравил – и того больней!

*

И как мы все беззащитны перед жизнью, перед факторами невнимания и забывчивости молодых! Сердце иногда так сжимается от боли –будто его втиснули в тиски. С грустью чувствуешь, как всё больше и больше дети отдаляются от тебя, не приближаются, а отдаляются! Может в этом и твоя вина?!! Кто обязан поддерживать огонь в домашнем очаге?! Нельзя, нельзя доживать до глубокой старости, ибо она несёт только раздражение и боли – только! Не мудрость! Не доброту! Раздражение и ненависть – этому пример Грифы – какая неуютная, чужая пара. Дожили до старости – и запыхал огонь ненависти! А чего им не хватает? Что они делают? Послушаешь их и с радостью думаешь: хорошо, что ты один!!! Гриф собирается удирать от жены в дом престарелых! И это называется – счастливая пара! Кто из них виноват?!! И не разберёшь, но Фирина озлобленность беспредельна. А мне кажется, что вся причина в том, что она до предела сузила свой мирок – кухня и карты, и еще телевизор! И в этом мире бушуют «страсти».

21 мая 1965

**День рождения – с друзьями:
любимой Софьей Павловной Матвеевой и с супругами
Гриф Фирой Абрамовной и Михаилом Абрамовичем. Стою я**

* * *

К старости люди черствеют, нет это даже не то слово – пожалуй, вернее будет МЕЛЬЧАЮТ и возводят свой мир – только вокруг своего болезненного и уже утратившего всё живое «я». Вот в этом трагедия – этим и страшна старость. И великое благо, если человека не коснётся эта эпидемия мельчания.

Человек без цели – это прозябание! И омертвление души! Иногда так холодно живётся...

*

Я жду сына. С нетерпением жду – с таким неустанным волнением «скоро!», но знаю, что эта встреча не принесёт ни тепла, ни особой радости. Почему? А может только потому, что взрослые сыновья не нуждаются ни в материнском тепле, ни в материнской опеке. И тем более ни в особой привязанности – у них свой мир, свои заботы, своя семья. «Мой сын!» – это осталось только, как ярлык на чемодане. Всё содержимое чемодана принадлежит другой женщине.

Женя часто повторяет: – «Не нужно многого ждать – не придется разочаровываться». В этом, наверное, смысл всего сущего.

*

Чьи-то руки, чье-то сердце, чьи-то мысли – и человек так много раскроет! Руки они тоже живут – не молчат, нет!

Человек живет вечным ожиданием чего-то хорошего впереди – иначе жить не интересно. А что там впереди хорошего, если ты уже пенсионер?!!

*

Письмо от брата Пети – к старости он становится более колючим – это ему идет – больше, чем самоуспокоение и самодовольство! Только от самодовольства он не излечится, оно так и сквозит с каждой строки письма. Что ж? Можно только позавидовать его неутомимой энергии и умению устраивать, а верней даже круто перестраивать свою жизнь – ходить в начальниках этого мира – это, пожалуй, интереснее, чем в подчиненных. Я не завидую ни его положению, ни его квартире – меня только радует, что у него самая счастливая пора и творческого расцвета, и пора самого интересного общения с детьми – он учится вместе с ними! Когда они женятся, выйдут замуж – это уже чужие!

Пишет об Оле: «устроилась работать маляром». Великолепно! Этой девице надо походить в телогрейке и спецовке, а потом уже одевать газовые платья. А то, заканчивая десятилетку, рассылала письма – купите ей газу, и шёлку – и то и другое!!! Как же, девица заканчивала десятилетку, у ней выпускной вечер – как же не затребовать особого платья с тетушки?!! А потом, смакуя, расписывала какой она раскрасавицей выглядела в этом газе – прямо Наташа Рос-

това – а вот в ВУЗ-то Наташа Ростова не попала. Прежде, чем думать о газовых платьях, лучше бы больше думала о своих знаниях! Моя Ольга тоже кончала десятилетку, но ни с кого не требовала ни платья, ни туфли, что было, тем и обошлись. И ее особенно возмутило это письмо «сестрицы» – когда тут бегать и разыскивать газы? Но выслала мой подарок – будто специально лежал до особого случая... Нет «порхающих девиц» непременно надо окунуть в прозу жизни, я думаю племяннице Оле это послужит большим уроком – эти дети привыкли себя ни в чем не ограничивать. Для Саши большой школой была военная служба! Для Ольги будет – трудовая жизнь!

А будет ли Саша художником?! В самом деле есть ли у него талант? Но, разве одного таланта достаточно – нужна и воля, и великое искусство трудиться! Как бы я хотела, чтоб мечты его стали действительностью.

Дети брата и Ольга, и Саша мне очень близки и дороги – какие бы они не были – это свое! Мы с братом часто по отношению один другого высказываемся прямолинейно, иногда резко. Мы очень разные люди, но все-таки это самый родной и близкий мне человек. И великое благо, что он есть на свете, то бы было мне более одиноко!

* * *

Странно! Иногда такая неожиданная мысль явится, и не дает покоя. Она преследует и мучает, а что, если я снова возьмусь за роман? Вот эти дни все думаю о маленьком, юрком человечке с веселыми, маслянистыми глазками – любителе красивой посуды. Так и слышу его голос: – Нет, красивая посуда – это тоже произведение искусства. Я не могу мимо пройти и не купить, если мне нравится. У меня с детства эта страсть к красивым вещам... Помню у матери был сервиз – белые цветы и незабудки – это чудо! Белые цветы с желтыми серединками и нежными лепестками и незабудки – они слепили глаза... Я мечтал напиться из такой чашки молока и мне казалось, что все, что я буду пить из такой чашки приобретет особый вкус... Эти чашки, нет вы не поверите, а с ними были связаны все детские мечты... И даже любовь! И как я долго, будучи уже взрослым – все свои воспоминания о радостях связывал непременно с этим сервизом. Вы представляете – тонкий фарфор, и по нему буквально светятся нежные белые лепестки и яркие незабудки! Чудо незабудки! Как-то я купил немецкий сервиз с пунцовыми розами! Но это не изящно, не тонко. Это красиво, но менее чувственно!.. Ах, будь у меня деньги, я бы стал собирателем старинного фарфора. Какие можно встретить чудеса! Вот смотрите, Вам нравится эта чашка? Нравится?! А эта?! У каждой из них своя история!» и т. д. А в самом деле, почему бы не рассказать о таком собирателе чашек?! У него страсть, и это уже выделяет его.

А дни идут. Сколько прошло времени, как я приехала с юга? Почти месяц и какой он пустой. Во что я превратилась? В нянюку при Володе. Натопи печи, приberi дом, приготовь ему что-нибудь поесть, и он приходит ко всему готовому. Раз в неделю ему нужно взять свою дочку из садика, но он обязательно в этот день найдет какую-нибудь причину, чтоб за Инночкой сходила я. То ему нужно зайти к товарищу по работе, то надо сходить к Оле, то он зайдет к дяде Мите – причина всегда найдется. Бабушка должна сидеть с Инночкой и все выходные – отцу некогда! Хорошо, что общество Инночки и радует, и скрашивает мою жизнь. Это не тяжело! Но только почему милый папаша совсем сложил на других все обязанности по отношению ребенка?!?

*

Я часто думаю о Леночке! Не наделают ли родители беды, поместив ребенка в школу «Лесной уголок»? Не может ли случиться такое, что Леночка там приобретет туберкулез? Все-таки большинство детей там больные! Болит сердце! А что может сделать бабушка, если это решение родителей?! «Мой ребенок!» – красноречивый довод матери – «Что тебе?»

*

«Чего мне»?!! Мне приятнее быть нянюкой при внуках, чем при моем зяте. Пробовала с ним говорить о том, что когда Ольга выйдет из больницы, надо подумать о домработнице, что я все-таки эти функции не могу выполнять. Да и зачем мне это?!? Вот отдыхала в Крыму, а приехала – и весь мой отдых на смарку. Крутись, вертись, делай, а спрашивается ради чего?!? Ем свое, да еще их же кормлю – и работай на них – весело!!!

В журнале «Наука и жизнь» рассказывается о забастовке женщин-домохозяек. Забавно и в то же время почему все молодые думают, что бабушки для них ишаки. Вырастили их, выучили – сейчас пусть нянчат внучат. Когда же за бабушками будут ухаживать взрослые дети?!? Или этого не бывает??? Евгения Николаевна Трутнева вынянчила, вырастила внуков, теперь нянчит правнуков. Руки, как крюки, ноги не ходят, все болит, а надо нянчить эту пухлую, тяжеленькую девчонку – кто будет?!? Плачет, да нянчит!

Нет, трудна, ох, трудна старость. И какая она безрадостная!!!

Только бы не загоститься на этом свете! Жить интересно, но когда ты полон сил, здоровья, когда ты еще можешь принести пользу и сам себя обслуживать можешь – другой жизни не желаю, не хочу.

Безжалостная штука – время!

Встреча с М.А. – интересный она человек, и с ней удивительно, хорошо! И хорошо, и радостно!... Человек – с глубинными родниками! Глубокими и чистыми.

Длинные разговоры проносятся как молнии, одним только смыслом. Прошлое осмысливается в иных красках. А в самом деле, разве плохо было на море?!?

*

Эмоции – страшный враг сердца, но как скучно жить без эмоций, без тепла, внимания – всего того, что связано с «романтикой сердца».

*

Давно я отметила: человек смотрит иначе на те дороги, которые прошел, но что он знает о будущих своих путях? Будущее трудно «запрограммировать». Самая великая радость – это радость узнавания не только себя, но и людей.

*

Опять школа – и мысли, мысли – воспоминания...

В учительской. Евдокия Григорьевна Шагалова – преподавательница немецкого языка – она вся в школе и для школы! Давно уже пережила все иллюзии, остался только опыт, мудрость, стремление помочь каждому и не только ученику, но и молодому учителю. Галина Николаевна чем-то горячо возмущается: – Свиньи неблагодарные! Что я для них не делала? И времени не жалела! – Не обижайтесь на них!.. – мягко говорит Шагалова, – Они Вас все-таки любят, а то, что не поздоровались – это же ребячество! И у меня бывало... Сколько раз бывало – иду по улице, вижу моя ученица, и даже помню в каком году она у меня кончала, а она вот не желает со мной встречаться... Стыдно, видимо, за прошлое... Вижу, как она опускает глаза или скорей переходит на другую сторону, в надежде, что я ее не заметила...

– Но должны же они все-таки понимать, что мы не только отдали свой труд, но и кусочек своей души...

...(О Трескове). Грустно становится, когда наблюдаешь, как между учителями наматывается клубок взаимных обид и делает этих людей чужими, а иногда и врагами...

(О Шагаловой). Разве она не живет этим? Кроме школы у нее ничего нет... Непримируемая!.. Да, непримируемая, и равнодушие ей было и будет всегда чудно! Без таких в школе нельзя... Они будят нашу совесть... Они...

*

А кто такая О.И.? Посмотрите на нее! Она в меру честный человек, в меру труслива, она прохладно любит, умеренно ненавидит...

*

Ах, как часто человек плурует в потемках собственных тревог и страстей.

Гражданственность, умение жить людскими горестями и радостями, не делая их в душе на собственные и чужие – это талант. Вот и задача учителя воспитать этот талант.

*

СИЛА ДОБРОТЫ СПАСИТЕЛЬНА! А где ее взять доброту, если с другой стороны – ни доброты, ни теплоты!

* * *

Прошел месяц, пролетел месяц... И тоска росла, и вот я решила ехать в Александровск. Надоело быть «няней» Володи, к тому же вернулась из больницы Оля. Зачем мне сидеть дома?!!

Трудно передать всю гамму чувств от этой поездки, но поездка была интересной – новые люди, новые впечатления! Трудно было записать, просто невозможно о всех встречах. Я так была загружена лекциями, что даже не было времени поесть, – а теперь я решила о самом ярком рассказать.

Девятое декабря 1969 г. – это мой первый день в Александровске. Выспавшись после бессонной ночи, я иду в райком, там меня встречает Тамара Васильевна Шадрина – маленькая женщина, с темными коротко остриженными волосами, с темными и грустными глазами. С первого взгляда женщина кажется даже суровой. Это зав. отделом пропаганды. Она не особенно словоохотлива, но решительна и деловита. Тут же она объявляет мне, где и как организованы лекции. Сегодня едем в Яйву, я читаю сначала в энергетическом техникуме, а затем – в ДОСе. Нас уже ждет машина – горкомовская, светло-коричневая, новенькая, вся блестит! И вот в эту машину садится Шадрина, секретарь комсомола и я. Несколько минут едем молча. Вот и город позади, по бокам живописный, смешанный лес. Такая красивая дорога! Снег чистый; лес нарядный и шофер включает радио – и раздается голос чтеца «Шаганэ ты моя Шаганэ» – стихи Есенина. Как они кстати в это утро, в лесу, который золотится от солнца – и такой праздничный! Вот она матушка Русь! «Птицей-тройкой» мчит машина! А стихи звучат – напевно, тревожа и волнуя душу:

Брезжит свет на заводи речной
И румянит сетку небосклона.
...Ярче розовой рубахи
Зори вешние горят,
Позолоченные бляхи
С бубенцами говорят...
Я сегодня влюблен в этот вечер,

Близок сердцу желтеющий дол...
Золото холодное луны.
Запах олеандра и левкоя,
Хорошо бродить среди покоя
Голубой и ласковой страны...

...Жить – так жить, любить –
так уж влюбиться...

Красной розой поцелуи веют,
Лепестками тая на губах...

И сколько бы не читали стихи Есенина, – они волнуют, трогают, радуют, в сердце тепло и радость крылатая, а лес, бегущий навстречу, будто улыбается этой поэзии – солнечной и поющей. Затем читали стихи П. Дружинина «Встреча с солнцем» – стихи о счастье, о дружбе. А затем включили музыку Грига – и запел лес! Что это за удивительные места. Я не могла не высказать своего восхищения – зимний, свежий, чистый, живописный, сказочный!

– А Вы к нам летом приезжайте! Летом у нас хорошо! – спокойно говорит Тамара Васильевна и в голосе у ней ни радости, ни восторга. Чувствуется, что мысли ее заняты чем-то другим более важным для нее: и подготовкой к семинару пропагандистов и проверкой партийной учебы в техникуме ГРЭС. Затем подъезжаем к техникуму – это четырехэтажное новое здание. Внутри неуютно, низкие потолки и маленькие клетушки, будто не кабинеты, а курятники. – Что это за аудитории? – удивляюсь я. Завуч объясняет, что здание строилось для общежития, не приспособлено для учебного заведения. Много перестраивали, переделывали, но «клетушки» остались! Неуютно, мрачно. Темные коридоры. Внизу играют в бильярд и настольный теннис. На четвертом этаже общежитие студентов. Мне хочется посмотреть как живут студенты, но завуч усиленно меня отвлекает от этой мысли. Да, и надвигается время читать лекцию. Признаться, я волнуюсь – как-то пройдет? Давно я не читала!! И умеют ли здесь слушать!?!

Зало тоже с низким-низким потолком, быстро наполняется молодежью, и вот уже я представлена! Несколько слов – и чувствую – это мои милые, хорошие друзья, мои бывшие ученики. Эта мысль бодрит и голос звучит уверенней, мне уже не страшно! Говорить легко, внимательные глаза, открытые лица, чудесные, милые улыбки – там, где дано право улыбнуться и даже посмеяться. Я так хорошо чувствую аудиторию. Час 15 минут пролетают незаметно – горячие аплодисменты, как признательность за лекцию. Меня благодарят педагоги – все довольны! Я счастлива – это особое чувство после пережитых волнений. Со мной разговаривает женщина лет сорока – у неё удивительные глаза – большие, от-

крытые, но лицо бледное и болезненное. Вскоре я узнаю, что она когда-то работала в школе, по болезни ушла на другую работу, библиотечную. Эта работа легче, но она скучает о школе! Когда я сказала ей, что я уже на пенсии – и вот от любви «к искусству» решила поехать почитать лекции. Она горячо сказала: – «Да, неужели с вашими способностями сидеть дома? Это же грешно! Зарывать такой талант!?! Нет, нет. Надо делать доброе дело!»

Она много мне наговорила приятно о лекции и пригласила меня зайти к ней в библиотеку. Я сказала, что сначала схожу пообедать и вот мы с Тамарой Васильевной пошли в Яйвинскую столовую. Столовая называлась «Юность», но в этой юности есть совершенно было нечего – какие-то жестяные котлеты и серые рожки – тягучие и холодные! Больше ничего! Зашли голодные и вышли голодные! Что было делать? До лекции еще оставалось два часа. Я зашла в библиотеку. Лидия Петровна Запольских – так звали женщину с печальными глазами, мою новую знакомую, тут же окружила меня вниманием и принесла мне такие книги, что у меня даже дух захватило от удивления – это были чудо книги. Вот «Западно-европейская мозаика», или «Русские изразцы», Культура древней Руси.

PS: На этом записи в тетради закончились.

Но перебирая разрозненные бумаги, письма, уже после смерти мамы я обнаружила небольшой листок с трогательными словами, написанными красивым мужским почерком и обращенными, надо полагать, к Зинаиде Ивановне. Листочек был без конверта. У меня возникло желание завершить мамин «курортный роман» этим письмом.

О. Тарунина

Маленькая Милюнька!

Сердечно поздравляю Вас с Новым Годом!

Знаете мне в этом году не повезло – отдыхал там же, в «Днепре» и половину отпуска там проболел. Был там в октябре, была хорошая погода, чудесное море, а я на него только смотрел.

Вспоминал Вас, тот вечер... Вы до сих пор у меня осталась в памяти того вечера, – хорошая, ласковая (руки – крылья и ноженьки окрашенные крымским солнышком). Я очень часто рисую в своем воображении Вас – ту, того вечера и даже чувствую.

Очень жаль, что истории редко повторяются, и тот вечер видно не повторим.

Пишите, что у Вас нового, где отдыхали и как.

Конец года и работы очень много – тут и сдача рукописей, и верстки, и выпуск, и как правило – выполнение планов. Да еще бесконечные отчеты и планы.

Желаю Вам всего, всего наилучшего!

Если разрешите – целую Вас крепко, крепко (даже всю)

PS. Спасибо Вам за октябрьское поздравление

Н.К.

Нарисуйте мне на память березку или что-то другое. Я помню, Вы это можете сделать (формата открытки).

25.XII.74 г.

Николай Константинович

ЭПИЛОГ

З.И. Тарунина (21.05.1913–6.06.1999) прожила долго и счастливо, о чем свидетельствуют многочисленные фотографии в окружении нас – ее детей, внуков, хороших друзей и подруг, а главное она обрела заботливого и внимательного друга в лице Николая Александровича Спешилова. С ним они организовывали литературные вечера; адрес Н. Курья, Моховая, 20 стал знаменитым, куда приходили молодые учителя и ветераны послушать лекции Зинаиды Ивановны, выступали сами. Душой этих «посиделок» был и знаменитый учитель-пенсионер В.В. Молодцов, читал свои стихи, да и многие другие с удовольствием делились своими поисками и открытиями. Сохранилось много фотографий с благодарностями за эти вечера «В мире прекрасного», но к сожалению у Зинаиды Ивановны не было привычки подписывать фотографии, поэтому я не смогла перечислить молодых участников литературных «посиделок» по фотографиям, которые хранятся в большой красивой коробке – Малахитовой шкатулке.

В тексте записей я привела хорошую фотографию Зинаиды Ивановны с любимыми внуками, Фотографировал В.Н. Горбушин. Юбилеи, встречи нового года старался запечатлеть также Владимир Николаевич Горбушин – замечательный фотограф-любитель, мой муж.

Очень интересное фото от 21 мая 1973 г., когда мы отмечали 60-летие моей мамы. На юбилей приехал из Свердловска дядя Петя – брат Зинаиды Ивановны (он фотографировал), пришли супруги Трутневые – дядя Миша и тетя Тося (стоят слева), супруги Красильниковы, в семью которых ушёл Евгений Леонидович и трое внуков: Лена, Инна и Владик – сын Жени, они оба присели.

Вот фото от января 1975, где Зинаида Ивановна в окружении Лены, Инны, Майи Казаковой и ее мамы – Александры Ивановны Казаковой, моей подруги.

З.И. Тарунина много читала лекций в различных городах Пермской области и домах отдыха. Мне хочется привести случайно обнаруженный отзыв о лекциях моей мамы. Заметка «Спасибо за талант!», вырезанная из какой-то газеты, оказалась прочно приклеенной к корочке блокнота. Привожу эту благодарность полностью.

Спасибо за талант!

В феврале 1974 г. мы отдыхали в доме отдыха «Верхняя Курья». Отдых был организован очень хорошо: различные лекции, концерты, экскурсии.

Нам особенно понравились лекции, которые прочла учительница – пенсионерка Зинаида Ивановна Тарунина об Игоре Северяnine и о девочке-поэтессе Нике Турбиной. Кроме того мы посмотрели выставку живописи Зинаиды Ивановны и нам очень понравились пейзажи в масле и акварели. Большое спасибо

талантливому человеку З.И. Таруниной и организатору этих лекций библиотекарю дома отдыха Галине Сергеевне Редкозубовой. Просим редакцию поздравить их с днем 8 марта!

**В. Глухих,
К. Попова**

21.05.1973

Шестидесятилетие Зинаиды Ивановны

Январь 1975 г.

Встреча Нового года с внуками и «молодежью»

Счастьем светится лицо моей мамы на фото 1974 г., где она вместе с Николаем Александровичем Спешилковым – прекрасным, добрым человеком – отмечают какой-то праздник среди ветеранов труда. Фото не подписано, к сожалению, но я думаю, что многие учителя признают себя и помянут Зинаиду Ивановну Тарунину 21.05.2013, когда исполнится сто лет со дня ее рождения.

1974 год

**Зинаида Ивановна с Николаем Александровичем Спешилковым
среди ветеранов труда**

После литературных вечеров «В мире прекрасного» Зинаида Ивановна занялась «серьезно» рисованием и участием в выставках в доме художника. После выхода на пенсию в 1969 г. у нее было накоплено очень много рисунков т.к. отдыхая в Крыму, в Уральских домах отдыха Песчанка, Нижняя Курья, В. Курья, Сокол, Красный Яр, Новоильинский или в поездках на теплоходах (на зеленых стоянках), а также путешествуя по области с лекциями, она делала зарисовки. Для этого каждый раз обязательно брала с собой новую записную книжку или блокнот с хорошей нелинованной бумагой и заполняла их эскизами, зарисовками, набросками шариковой ручкой с черной пастой, иногда коричневым карандашом. Войдя позже в союз Пермских художников, она стала пробовать акварельные краски, цветные карандаши, масляные краски. Формат рисунков конечно увеличился по сравнению с блокнотными эскизами. Представление о ее первых композициях цветов можно составить по фотографиям В.Н. Горбушина с выставок.

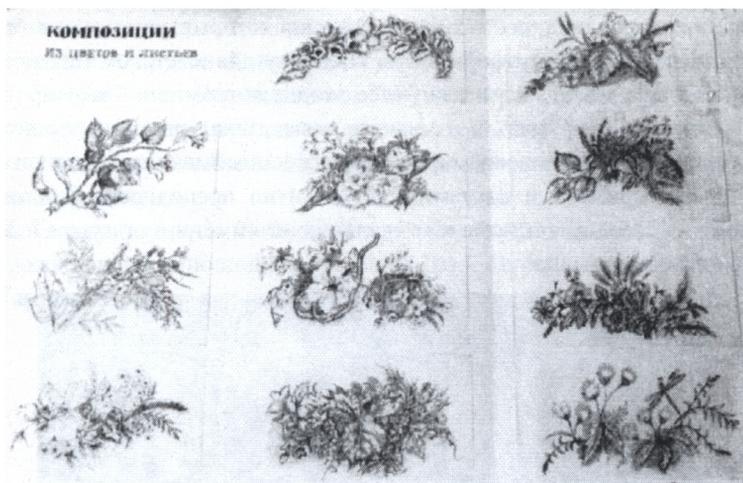

Фото В.Н. Горбушина

21.05.1980 г.

**Женя и Горбушины (я, Володя и Лена)
приехали на своей машине на Моховую, 20
поздравить маму и бабушку с днем рождения**

Большие рисунки в цветном исполнении, которые уже можно было назвать картинами, помогал оформлять в паспорту для выставок Николай Александрович Спешилов. Я насчитала более двадцати грамот и благодарственных писем на имя З.И. Таруниной за участие в выставках различных рангов. Как заключительное фото привожу снимок награждения Зинаиды Ивановны в 1990 году ценными призами и цветами, так галантно преподносимыми молодым мужчиной... в светлом костюме. К сожалению его имени и статуса я назвать не могу – фото не подписано.

Фото от 1990 года

Тяжело мама жила последние годы, когда старость неумолимо брала свое. Евгений Леонидович – сын – уговорил ее написать книжку «Встречи и воспоминания» о знаменитых людях, с которыми она имела счастье встретиться на своем жизненном пути за свою долгую жизнь, пережив «страшные» предвоенные годы, Великую Отечественную Войну и множество всяких «перестроек». Это «задание» брата продлило ей жизнь лет на шесть. Она с увлечением ночами перебирала свои дневниковые записи, много выписывала, многократно переписывала.

Уже изданная «малым тиражом» книжка мне очень понравилась, читалась легко, с захватывающим интересом, чему я очень удивилась. Куда делось мамино многословие, поток эпитетов и повторов? Написано кратко, емко. Спросила у брата, как удалось так интересно написать о многих людях. Он объяснил, что пришлось переписывать на компьютере мамины тексты много раз, давал ей читать не один раз, требуя краткости, убрать лишние эмоции, повторы. «Нужны факты, факты!» – требовал он.

Книжка почти в сто страниц датирована 1999 годом, содержит биографические сведения о трудовой деятельности З.И. Таруниной, написанные довольно подробно Евгением Леонидовичем Таруниным. Отличным редактором оказался мой брат! Книгу с интересом прочитали многие Пермьки, узнавая великих поэтов, прославленных артистов, знаменитых теноров, художников и писателей Перми.

З.И. Тарунина умерла 06.06.1999 г., в мае ей исполнилось 86 лет. Сто лет со дня рождения ей исполнилось бы 21.05.2013. Пусть память о Зинаиде Ивановне Таруниной живет как можно дольше! Она это заслужила!

17.09.2011. О. Тарунина

Подписано в печать 19.12.2011. Тираж 150 экз. Усл. печ. л. 3,6.
Формат 60×90/16. Набор компьютерный. Заказ № 1008/2011.

Отпечатано в типографии ИД “Пресстайм”
Адрес: 614025, г. Пермь, ул. Героев Хасана, 105

**Рисунки
Зинаиды Ивановны
Таруниной**

НАШИ КРАЙ

**КОМПОЗИЦИИ
ИЗ ЦВЕТОВ И ЛИСТЬЕВ**

*Люю мое
Отечество!*

